

Живая классика

Утиная охота

Александр Вампилов

Живая классика (ДетЛит)

Александр Вампилов

Утиная охота

Издательство «Детская литература»

1966-1970, 2003

Вампилов А. В.

Утиная охота / А. В. Вампилов — Издательство «Детская литература», 1966-1970, 2003 — (Живая классика (ДетЛит))

ISBN 978-5-08-007171-3

В сборник произведений известного драматурга Александра Вампилова вошли пьесы «Прощание в июне», «Старший сын» и «Утиная охота», основная тема которых – способность живой души побороть рутину жизни, сопротивляться злу и людской пошлости. Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-08-007171-3

© Вампилов А. В., 1966-1970, 2003

© Издательство «Детская литература», 1966-1970, 2003

Содержание

Самобичующий протест[1]	8
Прощание в июне	16
Действующие лица	16
Действие первое	18
Действие второе	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Валентинович Вампилов

Утиная охота

А. Вампилов

1937—1972

- © Вампилов А. В., наследники, 1966—1970
- © Сушков Б. Ф., наследники, вступительная статья, 2003
- © Нефёдов О. Г., иллюстрации, 2003
- © Составление. Издательство «Детская литература», 2003
- © Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2022

Самобичующий протест¹

Александр Вампилов родился 19 августа 1937 года в районном поселке Кутулик (Кутулик – по-бурятски «яма») Иркутской области в учительской семье. Отец его, Валентин Никитич Вампилов, обрусевший бурят, был директором Кутуликской средней школы и преподавал русский язык и литературу, мать, Анастасия Прокопьевна Копылова, русская, дочь иркутского священника, вела в той же школе математику – алгебру и геометрию. Саша был третьим сыном и четвертым ребенком в семье.

Отцу и сыну увидеть друг друга не довелось: вскоре после рождения Александра Валентин Никитич по ложному доносу был арестован и расстрелян в 1938 году. Реабилитирован в 1957 году.

Каким при этом могло быть детство Саши Вампилова? Обыкновенное, то есть вольное, не ограниченное никаким воспитанием, в своей абсолютной свободе таящее постоянную смертельную опасность, но и величайшее безотчетное блаженство от растворенности, слиянности с бесконечным и вечным миром Природы. И он рос свободно, увлекался, озорничал и хулиганил наряду с другими кутуликскими мальчишками, ведь в этой «яме», Богом забытом уголке России озорство и хулиганство было единственным развлечением детворы и молодежи и освещалось даже какой-то «традицией».

И первые свои рассказы, а потом и пьесы, посвященные молодежи, Вампилов насытил своими бывшими приятелями, до глубины души известными ему кутуликскими, черемховскими, усольскими ребятами, приехавшими из своих глубинки в областные центры получать высшее образование и привезшими с собой много застарелых детских привычек, страсть к дурачеству и главную свою особенность – насмешливо-скептическое отношение ко всему на свете, и к себе в том числе, то есть тот самый дух свободы, вольности и упрямства, который потом и в самом Вампилове, и в его героях преобразуется в чувство собственного достоинства, демократизма, справедливости и вообще будет определять их шкалу ценностей.

Житель провинции, выходец из самой что ни на есть ее глубинки, получивший образование в провинциальном университете, Александр Вампилов писал о тех, жизнь кого хорошо знал, – о людях провинции. Был бытописателем, социологом, философом этого огромного, замкнутого в себе мира и в каких-нибудь пяти-шести пьесах и горстке рассказов и очерков ухитрился дать почти его полный социальный срез – от высшего провинциального истеблишмента, олицетворенного ректором университета Репниковым в «Прощании в июне», до простых трудяг таежного поселка Чулимска, напоминающего его родной Кутулик.

В России издавна сложились три мира, как три государства в одном государстве, – крестьянский мир, городской и столичный. Эти три мира были по своему образу жизни настолько автономны и самобытны, что предпочитали держаться друг от друга подальше: близкое сосуществование стесняло их природу, грозило каждому душевным дискомфортом. Но тем не менее они жили как части одного-единого великодержавного организма и не могли жить друг без друга.

Деревенский мир был наиболее автономным, одинаково удаленным как от городской провинции, так и от столиц. Он жил своей патриархальной семьей, общинным миропорядком, подчиняющимся тысячелетней традиции. В нем слабо отражались черты государственного строя, государственной идеологии и культуры.

Столицы также мало выражали подлинную суть российской жизни, которая пряталась за мундир, за дисциплину, за внешнее благообразие и фальшивое великолепие. «Невский про-

¹ Фрагменты книги Б. Сушкова «Александр Вампилов: Размышления об идейных корнях, проблематике, художественном методе и судьбе творчества драматурга». М.: Сов. Россия, 1989.

спект лжет во всякое время», – утверждал Н. В. Гоголь. Тут простой швейцар «смотрит генералиссимусом».

И только губернская и городская провинция, которой не было нужды лицемерить и пускать пыль в глаза иностранцам, жила по подлинным законам государства, не смягченным флером столичной культуры, и обнажала резкие черты нашего государственного быта, государственного строя жизни, показывая его таким, каков он был на самом деле. Русские писатели подлинную российскую государственность узнавали, глядя в лицо именно этого провинциального мира: «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Нравы Растеряевой улицы» Г. Успенского во главе с «Ревизором» и «Мертвыми душами» Гоголя показали русскому человеку, как в зеркале, его подлинную государственную и гражданскую физиономию, от которой он с отвращением отвернулся, издав, по свидетельству Герцена, «крик ужаса и стыда».

Нашу отечественную литературу 60—70-х годов XX века иногда делят на «деревенскую» и «городскую», но город тут представлен в основном столицами. *Средний* город, провинция областных и районных центров не столь глубоко и концептуально осмыслены нашим литературным сознанием. А именно там не скрытно, как в столицах, а открыто щеголяла всеми своими «непристойными местами» и наша «сермяжная правда». И в числе первых, кто эту правду глубоко и всесторонне показал миру, следует назвать драматурга Александра Вампилова.

Он подходил к жизни как честный художник, и многое у него выходило бессознательно, и это ценнее всего, ибо правдивее всего. Просто его герои не поддерживали официальный курс, не участвовали в его косметическом ремонте. Не искали они и культурных «экологических ниш» для «почетного конформизма» – они просто отворачивались от системы и уходили на рядовую работу, ибо только она позволяла сохранить за собой моральную свободу и легкую поступь гордо шагающего по земле человека.

Первая многоактная пьеса «Прощание в июне», с которой Александр Вампилов и начинается как драматург, была написана в 1964 году. Три главные ее идеи – консервативный конформизм «отцов», разбойничья «беззаконность» молодости и ее безответственность, а внутренний конфликт можно определить девизом Профессора из пьесы К. Чапека «Разбойник», очень близкой пьесе Вампилова и по сюжету, и по теме, – «Молодость нужно сломить!».

При социализме, которому по времени соответствует пьеса, при его бюрократическом извращении естественный закон обновления жизни как бы отменен и заменен системой, в которой не очень-то «похулиганишь», не то что начнешь «разбойничать». Она не дает молодости никаких шансов, никаких прав до тех пор, пока эта молодость не «смирится», не «образумится», пока не переймет образ жизни «отцов», главный принцип которого – «не высываться» с правдой и «правами», быть готовым на любой компромисс ради личных целей. Молодость тут не сокрушают в открытом бою, ее берут измором, долгие годы выдерживая в щелочи скудной жизни. И только когда она становится уже ни во что не верящей, ни на что не способной, но на все готовой, тогда ее допускают и к должности, и к своим дочкам, и к воскресному жареному гусю (Репников едва лишь не молился на него).

Репников уже прошел этот путь – путь предательства идеалов своей молодости – и откровенно признается в этом Колесову: «У нас с вами есть нечто общее... Когда я рвался в науку с таким же нетерпением, со мной случилось нечто похожее». Тут есть и зависть несостоявшегося ученого к молодому таланту, но больше опасений, что Колесов социально опасен, потому что – самостоятельная личность, «неуправляемый», может не подчиниться господствующему конформизму. Он – угроза тому порядку жизни, в котором все держится на компромиссе, на личном интересе, где важны не талант, не достоинства человека, а связи, служебное послушание.

Но и Колесову приходится пойти на компромисс – он отказывается от Тани во имя своей научной карьеры, как ему кажется. И только в финале он поднимается до того подлинного «хулиганства», о котором шла речь выше, – когда рвет диплом, полученный ценой предательства любимой, – возвращает Репникову данную им «взятку».

Поступок Колесова кажется неожиданным, ничем не подготовленным. Но это для тех лишь, кому герои Вампилова кажутся такими же, как и все другие наши герои. Но, зная героев Вампилова, их фундаментальную черту, не раз отмеченную нами, – внутреннюю свободу, провинциальную, дику, хулиганскую свободу, которая может их толкнуть и к безрассудству какому-нибудь, дуэли например, или к необдуманным словам и поступкам на собственной свадьбе, так что невеста встанет и уйдет, – понимаешь и веришь, что эта же свобода, глубоко укоренившаяся в их душе, есть их нравственный компас, который скорректирует их жизненный маршрут в самый решительный момент, когда ставка будет больше, чем жизнь, когда от них потребуют отказаться от собственного «я».

В этом контексте может быть верно понята и притча о «честном ревизоре», которую Золотуев рассказал Колесову.

Вампиловская честность – это абсолютная честность, это святая святых личности, где хранится эталон идентичности нашей вечной, космической природы с нашим сознанием. Малейший компромисс тут невозможен. Колесов попробовал и почувствовал, что теряет себя, что он уже не Колесов, а кто-то другой. И он поспешил вернуться к себе.

Жутко, конечно, сознавать, что таких нормальных людей так мало, что они кажутся редчайшим исключением из «правила». Поэтому-то Вампилов и сосредоточил на них все свое внимание.

Идея свободы затрагивается Вампиловым и в контексте «безответственности молодости», проявляющейся в самой чувствительной, интимной сфере человеческих отношений – в любви.

Тема эта тоже стара как мир. Но давно, увы, прошли эпические времена пушкинских «Цыган», «Кармен» Мериме и проч., когда эту «безответственность» считали неизбежным, нормальным «злом» жизни.

Вампилов не призывает к ее насильственному обузданию, он доверяет этой эпической свободе, он знает, что она сама себя лечит естественным порядком. Это лекарство – любовь, та же самая любовь, которая выступает уже своей второй стороной – не гибельным, а организующим началом, ведущим к ответственности, к смиренному принятию главного закона жизни. И Букин это вскоре почувствовал, покаялся и вернул любовь Маши.

Так, явно не вступая в конфликт, но самой логикой жизни, которую честно и талантливо воспроизводит, Вампилов полемизирует с теми, кто всю жизнь пугал общество свободой, демократией как символом анархического своеволия, ведущего к гибели, кто хотел бы сохранить за собой право вечно вмешиваться в любой жизненный процесс и регламентировать его по своему усмотрению.

Пьеса «Старший сын» (1967) в идейном плане прямое продолжение и развитие тем и идей «Прощания в июне».

В «Старшем сыне» (первоначальное название пьесы «Предместье») еще четче обнаруживаются главные черты творчества Вампилова, резко отличающие его от драматургов того времени. Это не только доверие к жизни, воспроизведение ее такой, какая она есть, в обход всем директивным идеологическим установкам на нее и самоустановкам, но и *участие в самом органическом процессе творчества жизни.*

Но чтобы идти за жизнью, за тенденцией ее развития (а не пытаться насильственно вести ее за собой куда-то туда, куда она не хочет идти, ну, как пытались поворачивать сибирские реки), надо быть *свободным.* А как художник Вампилов чувствовал себя свободным не в эпицентре жизни, а на периферии и даже на периферии периферии – в *предместье*, там, где жизнь слабее всего идеологизирована и искажена лицемерием, где она предоставлена самой себе и где в силу этого расцветает иногда за геранями и алоэ необузданный эгоизм махрового мещан-

ства, но где действуют и эпические законы нравственного саморегулирования, самоочищения, какие действуют в самой природе.

Внезапное и нечаянное столкновение этих двух миров – предместья (семья Сарафановых) и «центра», хоть и периферийного и представленного не главными его представителями, «серьезными людьми», а комически сниженными («разочарованный» студент-медик Бусыгин и шалопай Сильва), – и есть «внешний» конфликт, вернее серия конфликтов, «Старшего сына», то комических, то трогательных, обеспечивающих движение сюжета и зрительский интерес. Эти конфликты на почве симпатий и антипатий молодых людей, в которых проявляются их характеры, их взгляды на жизнь, интересны и сами по себе (именно так, сами по себе, они и ставились в театрах), и как «псевдонимы» других, скрытых за ними и более серьезных антагонистических конфликтов, которые Вампилов в то время не имел возможности выразить явно. Это конфликты «серьезных людей», «умеющих жить» в любых условиях, и «блаженных» – людей, не умеющих и не желающих приспособливаться к любым условиям жизни, а потому и держащихся в тени, на обочине жизни.

Это конфликт Сарафанова с женой, бросившей малоперспективного музыканта и двух детей ради инженера, «серьезного человека».

Это и конфликт «несерьезного» Бусыгина с женихом Нины – Кудимовым, курсантом летного училища, «серьезным человеком». Но не этот конфликт, что в пьесе, окрашенный более скрытой иронией над курсантом, этаким хорошо отлаженным автоматом, чем враждой, а будущий их конфликт в других пьесах, когда их интересы столкнутся не на личной почве любовного соперничества, а на социальной почве.

Этот острый социальный конфликт, тлеющий на заднем плане его пьес, вырвался наконец наружу бушующим пламенем в «Утиной охоте», предвосхищая многие социальные конфликты последующей драматургии «новой волны», которая их ставила уже в резко обнаженной форме.

Но это в будущем (правда, не таком уж отдаленном). А пока Вампилов показывает людей, еще способных делать выбор, основанный не на соображениях выгоды («как лучше прожить»), а на внутренних душевных склонностях.

Пьесы «Прощание в июне» и «Старший сын» завершают первый этап жизни и творчества Вампилова – самый оптимистический, опирающийся на неисчерпаемые, как кажется, силы молодости, на ее естественный идеализм.

Его еще можно назвать педагогическим. Драматург сам действовал, то есть сам жил, со своими героями, естественно и легко приводя их к должным поступкам, отвечающим высшим человеческим интересам. И сам как личность рос вместе с ними, их нравственные достижения были и его духовными завоеваниями.

Он, как и каждый писатель, тешил себя иллюзиями, что они перейдут в саму жизнь, ведь такая социально-нравственная педагогика завещана нам великой традицией всей русской классической литературы. Ее сила и ее слабость обнаруживаются и у Вампилова. Поэтому, переходя к новому этапу его творчества, начавшемуся с «Утиной охоты» (1967), сразу отметим его главную черту: новые герои Вампилова, повзрослевшие на 10–15 лет, начинают сопротивляться автору, они не хотят следовать его социальной педагогике, они считают ее наивной, игнорирующей грубую реальность, апеллирующей лишь к высшим духовным ценностям, которые для них – бессодержательная абстракция.

Они идентифицируют свое сознание с истиной, которую почерпнули не в сердце своем, не в глубине своей человеческой природы, а «в жизни»! Повседневная жизнь, принципы ее организованности и выживания для них – та самая «истина», которую они противопоставляют истине автора. Если в жизни нет *бескорыстной* любви к ближнему, если в ней нет добра ради самого Добра, а есть только «ты – мне, я – тебе», если нет любви ради самой Любви, а есть только любовь потребительская, «кооперативная», если нет человечности ради Гуманизма, а

есть человечность, дозволенная «от и до», – значит, их *нет вообще* и апеллировать к ним по меньшей мере несерьезно, а по большей – провокационно, преступно!

Мы теперь переходим к главному герою Вампилова, у которого, кстати, было «все»: и любовь с женой, и юная красотка, и квартира, и работа, и друзья, и самый лучший политический строй в мире, как его уверяли, а он тем не менее чуть не застрелился.

О пьесе «Утиная охота» споры не утихают до сих пор. Ведутся они в основном вокруг главного героя, Виктора Зилова, и прошли уже все стадии – от резкого неприятия героя и убийственной критики в его адрес до попыток его реабилитации.

Вампилов создал крупное произведение, которое вошло в классический фонд русской драматургии. И как таковое оно уже начинает взаимодействовать со временем по закону классики: «прошла злободневность, проступила вечность».

Пришло время смотреть на Зилова сквозь призму классической традиции. Без этого мысль автора может затеряться в мелком «злободневном» анализе. Если слабости Зилова рассматривать «не как пороки, а как стихии общественной жизни» (И. Гончаров. «Милльон терзаний»), то мы докопаемся до тех истоков, откуда проистекает драма героя.

Заглянем без предубеждения в смятенную душу этого «скитальца». Рассмотрим его в главных проявлениях жизни – в работе, в семье, в общественных отношениях, в «духе». Не будем «пересказывать» события его жизни, «описывать» его поведение. Очень часто в пересказе критиков жизнь героев так препарируется из-за нередко предвзятого к ним отношения, что до истины, которую драматург стремился выразить в своем герое, не добраться. Поэтому мы лучше предоставим слово автору и его герою.

Итак, ему тридцать лет, он инженер по образованию, но на производстве не работает, а служит в «центральном бюро технической информации» в одном из глубинных областных центров.

Уже при первом близком знакомстве с героем выявляется, что мы имеем дело с незаурядным человеком, выделяющимся из толпы своих друзей некоей «странностью», которую приблизительно можно назвать бескорытием. Душа его, оказывается, свободна, не рвется ни к одной из форм материальных благ. Из всего, «что он любит» – женщин, друзей, карьеру, веселье, – он по-настоящему любит лишь охоту, на которой, кстати, ни разу еще не убил ни одной утки, следовательно, он и в охоте-то любит не вещественный ее результат – добычу, а то, что она дает его душе, – эстетические переживания, эстетическую радость бытия. Бескорыстное наслаждение красотой – признак душевного благородства. Галина, его жена, сама женщина незаурядная, не могла бы полюбить низкого, бездуховного человека, дебошира и пьяницу или такого, как Саяпин или как Дима-официант, вызывающий у нее инстинктивное отвращение.

Зилов, в отличие от своих закадычных друзей – Саяпина, Димы, даже романтика Кузкова, – способен с особой правдивостью, социально-нравственной остротой увидеть себя и других в системе общественных отношений, подчеркнуть их бесчеловечность, грубый эгоизм, попрание человеческого достоинства, которые давно стали у нас «нормой» жизни. И здесь он выделяется своим трезвым умом. Несомненно, в его словах нередко звучит голос самого Вампилова.

А. Вампилов один из первых серьезно заговорил о парадоксах социального развития: одни (Саяпин) давно, десятилетиями мечтают об элементарных условиях человеческой жизни (квартире, зарплате, человеческой обстановке), а другим (Зилову) этого уже мало, они от быта «рвутся в небо», хотят узнать: зачем они живут, каково их предназначение в этой жизни? И в силу разницы своего материального положения (даже этой, весьма незначительной!) они, конечно, уже психологические антагонисты. И нет ничего удивительного в том, что Саяпин невольно и безотчетно для себя примеривается к квартире Зилова, в случае если тот действительно покончит с собой, – инстинкт зверя, почуявшего возможность занять высвобождающуюся нору, оказался сильнее человеческих чувств. Но не нам, имеющим прекрасные квартиры

и живущим в столицах, осуждать его за это! Это было бы неблагородно и непорядочно и смахивало бы на барское чистоплюйство какого-нибудь Кушака, этого провинциального «главна-чпупса», пользующегося в жизни режимом наибольшего благоприятствования и обладающего уже всем тем, о чем мог тогда только мечтать «мещанин»: прекрасной квартирой, хорошей зарплатой, машиной, дачей, женой «с сахарными зубами». Но ему и этого мало, и он хлопочет с помощью подчиненного о молодой любовнице. В пьесе Вампилов как раз показал три главных социальных слоя нашего общества тех лет, которые можно условно обозначить как бесквартирный, квартирный и квартирно-машинно-дачный. А между ними еще – множество прослоек.

Какая социальная пестрота! Люди видели все это и не понимали, в каком обществе они живут, а призывы («догоним и перегоним») и обещания («нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме») и вовсе сбивали их с толку, порождая путаницу, странные иллюзии, фантастическое восприятие действительности, пока наконец все это не было «мудро» названо «реальным социализмом», который оказался – как теперь мы были вынуждены признать – застойным. Мы пережили период довольно долгий, занявший жизнь целого поколения, когда в обществе не было никаких четких политических ориентиров, когда критика была без адреса, когда ничто не называлось своими именами, когда все еле барахтались в бюрократическом болоте. А над ним витало этакое розовое теоретическое марево, дурманящее сознание народа. Герои Трифонова, Шукшина, Вампилова – трагические герои этого периода.

Важнейшая мысль, которая по-новому освещает всю личную и общественную драму Зилова, в том, что мужчина перестал получать от женщины духовную помощь, поддержку, что у них не стало «общего дела» на земле – того святого общего дела – служения, для которого и совершаются браки на небесах и о котором мечтала Татьяна Ларина в письме к Онегину.

Любовь без этой веры в высший смысл жизни, без духовной близости и помощи со стороны женщины, ее *идеала* – того, который вдохновлял сервантесовского Дон Кихота, пушкинского «рыцаря бедного», о котором поет Франц в «Сценах из рыцарских времен» и которому много уделил внимания Достоевский в «Идиоте» (красота и любовь спасут мир, если они проникнутся христианской идеей самоотверженного служения добру, то есть духовному развитию жизни, – вот главный тезис Достоевского), – любовь только физическая, которая была и у Феди, и у Зилова, *не спасает мужчину* от «безумия», падений и позора, когда он начинает осознавать ложь жизни и пытается бороться с ней, чувствуя, что эта ложь, которой он потворствовал и собственной жизнью, сильно разъяла его душу, развратила его самого.

Это взаимное отдаление друг от друга мужчины и женщины, их жизнь с разными автономными центрами, переставшими духовно общаться, влиять друг на друга, чревато гибельными последствиями для жизни общества.

Покушение Зилова на собственную жизнь – тоже один из вариантов выхода из подобного кризиса.

Однако в пьесе есть все основания для оптимистического решения образа Зилова, если не закрывать глаза на те социальные и общественно-политические проблемы, которые за ним стоят. Для этого надо просто *пойти за автором*, увидеть и правильно оценить его *метод изображения действительности*.

Пьеса «Утиная охота» уникальна по своим художественным достоинствам, по эстетической чистоте. Нет ни тени конструкции ни в диалоге, ни в обстоятельствах, ни в характерах, ни даже в языке. Все очень узнаваемо, все максимально приближено к жизни. Попадаешь сразу в тот привычный быт средней городской интеллигенции первого поколения, который многим из нас очень знаком, потому что мы сами вышли из этого быта. Поэтому надо совершить известное нравственное усилие, чтобы оторваться от этой жизни и взглянуть на нее с позиций морали.

Драматическая форма ничуть не деформирует, не «сгущает краски», не «драматизирует» жизнь. И вместе с тем она обладает подлинным драматизмом в его поэтическом синтезе, дающем подлинно художественную сценичность.

Если говорить о «загадке» Зилова, то она в том, что в Зилове воплощен не один характер, хотя бы и типичный, а три, пять, семь характеров-типов. Поэтому естественны столь разные и по-своему вполне логичные (хоть и не всегда убедительные) сценические прочтения этого образа.

Это обстоятельство – именно не «многогранность образа», а конгломерат характеров-типов в одном образе (но такой конгломерат, в котором не механическое соединение разнородных, но однотипных черт, а их органическое единство, сливающееся в одно неповторимое лицо – лицо Зилова) – и породило недоумения, перебранку критиков, обвинения автора в неясности, алогичности и многоликости образа Зилова. В пьесе в неподражаемом художественном образе дан синтез черт целого поколения советских людей, выросших и сформировавшихся в эпоху послевоенного материального дефицита, перешедшего в эпоху застоя в тяжелейшую форму и нравственного, духовного дефицита.

Зилов – это в значительной степени сам Вампилов: многие черты автора воплотились в нем, и не только положительные черты.

Зилов – это зеркало, отражающее судьбу не одного поколения, зеркало с прекрасными оптическими свойствами, без каких-либо искажений наших носов и ушей, без карикатурного увеличения или уменьшения нашего естественного роста. Глядя на это наше отражение, нам хочется не смеяться, а плакать.

Жизнь не всерьез. И не от врожденного легкомыслия Зилова, а оттого, что он не находит в окружающей его действительности ничего, что бы его серьезно захватило, направило бы его энергию. Отсюда та мучительная жизнь в ожидании настоящей жизни, которой он живет в пьесе. Ему уже тридцать лет, а она все не приходит. А молодые силы бурлят, требуют реализации, серьезного применения. Цинизм Зилова, его бесцеремонность с начальством – следствие все той же его силы, знание того, кто чего стоит на самом деле.

Чтобы Зилов и подобные ему были счастливы, надо поднять людей на другой уровень экономического, социального и духовного развития (вернее, дать им возможность подняться), чтобы они могли удовлетворять свои потребности на более высоком уровне культуры. Все, чем он сейчас владеет, его не устраивает: не устраивает работа, не устраивает зарплата, не устраивают общественные и производственные отношения, не устраивает семья, жена в этом застывшем, убогом качестве «подруги жизни». И он начинает рушить этот жалкий, застывший и опостылевший ему мир – мир, лишенный развития.

Но «идея развития» – еще не вся идея пьесы. Зилову не хватает в жизни еще чего-то, что, может, поважнее развития как такового. Опять это «что-то» явно не названо в пьесе, но угадывается по многочисленным косвенным указаниям и признакам. Больше всего на свете не хватает ему, оказывается, *святынь*. Святынь ищет в жизни этот «русский скиталец» и не находит их – ни в личной жизни, ни в общественном труде, ни в общественных отношениях. И только на охоте, соприкоснувшись с Природой, он находит в ней святыни для своей души, которые восстанавливают ее нравственные силы, врачуют ее. Вот почему мотиву утиной охоты отводится в пьесе столь большое место.

Но что такое *святыни* в данном случае? То, что скрывается за утилитарными функциями и что гораздо выше этих функций во всех проявлениях жизни.

У Вампилова это и святыня любви, и святыня брака: жена – соратница в святом деле – семейном жизнетворческом труде. Святость дела, которому служишь. И эту святыню он жутко профанирует в своем «бюро технической информации», которая вряд ли кому-нибудь помогла «технически».

Есть еще один скрытый мотив в пьесе, тоже весьма важный. Касается он взаимоотношений Зилова и отца. Странные, надо сказать, отношения, никак не проясненные автором. На основании буквально понятого текста – тех скупых реплик, посвященных отцу, – выходит, что Зилов просто плохой сын: не любит, не уважает отца, именуя его «старым дураком», не поехал даже на его похороны. Так и считают многие критики Зилова.

А может, все это неправда – что он плохой сын и не любит отца? Может, тут скрывается еще одна общественная драма героя?

Что нам известно о его отце? «Персональный пенсионер» – и только. А кто были персональные пенсионеры? Известно кто: начальники – руководители среднего и высшего ранга. Так, может, в этом все дело? Зилов любит отца как человека, *как отца* (его смерть действительно глубоко трогает его: «Батя, батя», – шепчет он в глубокой тоске), но не любит, даже ненавидит его *как личность*, вернее, ту «совокупность общественных отношений», которая в ней проявилась. Вполне возможно, что именно общественное лицо отца вызывает в сыне резкое неприятие. Только при таких противоречивых чувствах – любя и ненавидя – можно в сердцах назвать отца «старым дураком». «Старый дурак» не обязательно оскорбление нелюбящего сына, его можно «перевести» и как «старый романтик», неисправимый «донкихот», для которого жизнь и ее нравственные нормы застыли где-то в далеких «штурмующих эпохах», одним из творцов которых, судя по возрасту, был его отец.

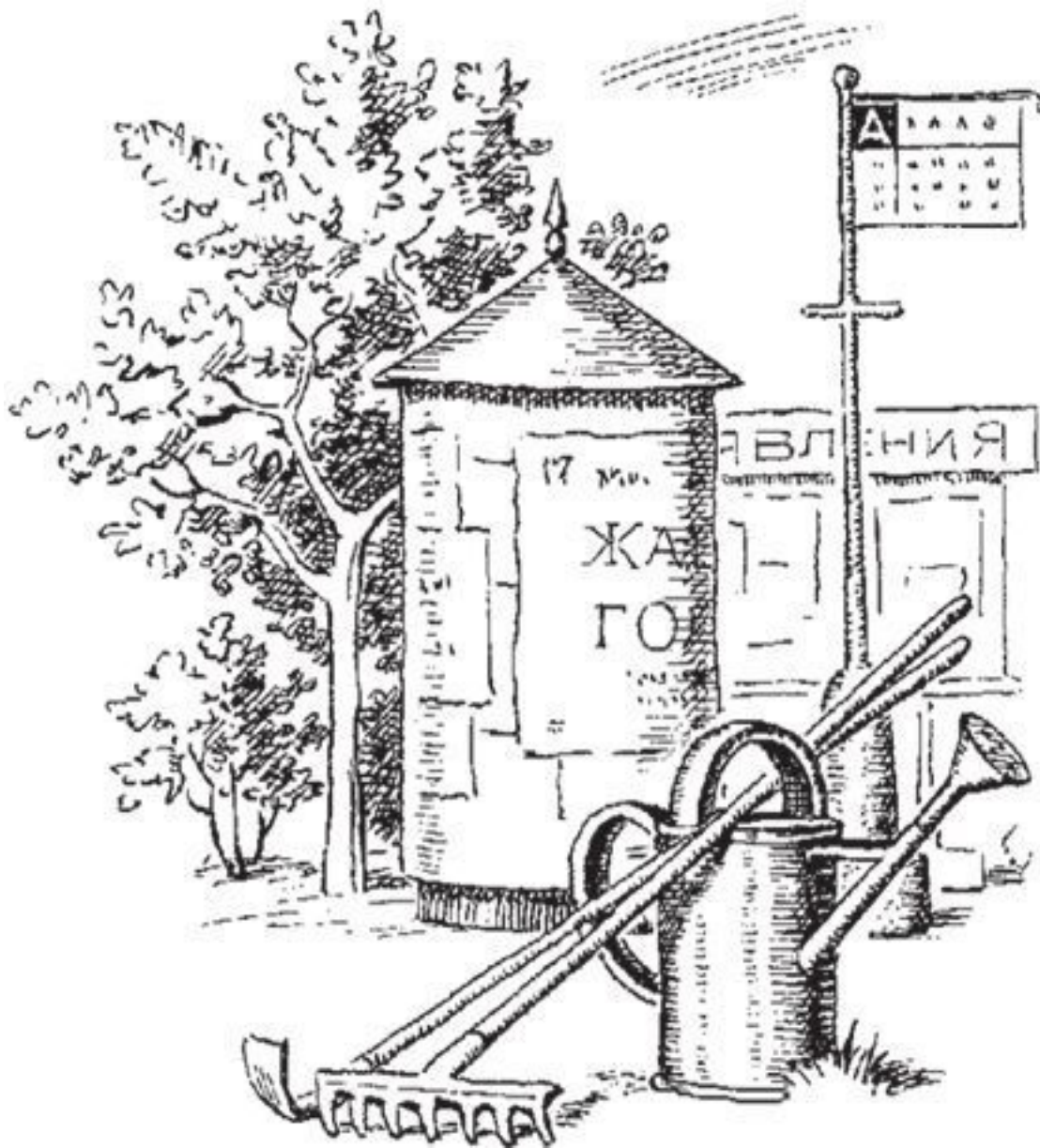
Не имея развитого общественного сознания, Зилов отождествляет среду как явление общественно-экономического порядка со средой своей компании и обрушивается на нее, как если бы она была этой общественно-экономической средой, клеймит ее. Он тут не совсем не прав, ибо в среде его компании отложилась моральная сторона застывшей, консервативной общественно-экономической системы. Пассивное подчинение ей, усвоение ее законов, ставших уровнем их личного и общественного сознания, их морали и нравственности, воспитавших в них ужасный порок – лицемерие, – вот что бесит Зилова, вот за что он обличает своих друзей, хотя делает это почти бессознательно.

А. Вампилов не обвиняет никого, он объективно показывает людей в определенных социально-экономических и политических условиях, определяющих их личное и общественное бытие, и говорит, что на нынешнем этапе нашего общественного развития они не могут уже нас удовлетворять: необходима коренная ломка этих условий, чтобы ускорить ход нашего экономического и духовного развития.

Вампилов, как художник гениально одаренный (теперь это можно утверждать с полным основанием), быстро развивался и эволюционировал. Освоив две сферы жизни человека – природную и социальную, что соответствовало двум этапам его творчества, он должен был, по логике вещей, прийти к их органическому синтезу, продолжая и развивая линию «Утиной охоты». Но этого не произошло. Надломленный упорным неприятием своих пьес инстанциями, не пускавшими их на сцену, пассивной, в основном выжидательной позицией руководителей театров, Вампилов отходит от своих прежних принципов изображения жизни. Его талант, встретив упорное сопротивление, начинает перегорать и горкнуть. Изумительная жизненная органика его творчества уступает место условной театральной органике, живые люди – театральным ампула. С «Несравненным Наконечниковым», неоконченной пьесой – «водевилем в двух действиях с прологом и эпилогом», начинался новый Вампилов, новый, третий период его жизни и творчества, внезапно, трагически оборвавшийся в холодных водах Байкала в августе 1972 года.

Б. Сушков

Прощание в июне Комедия в двух действиях

Действующие лица

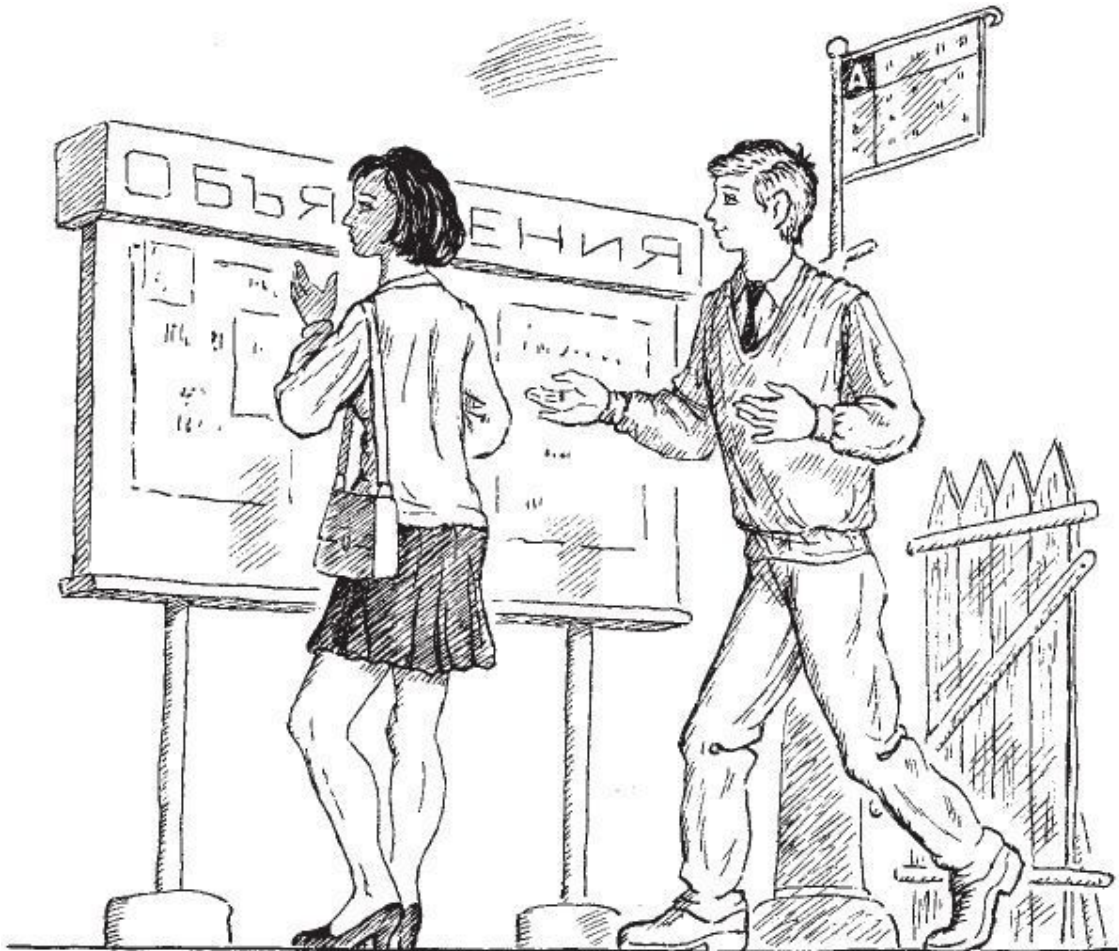
Колесов.
Букин.
Фролов.
Гомыра.
Репников.
Золотуев.
Таня.
Маша.

Репникова.
Веселый
Серьезный
Красавица
Комсорг
Строгая
Милиционер.

студенты.

Действие первое

УЛИЦА

Весна. Крашеный забор, большая доска с объявлениями, афишами. Угол старого двухэтажного дома, столб с табличкой: «Остановка автобуса». Слышны гаммы: в старом доме кто-то учится играть на фортепиано.

Таня читает афиши. Появляется **Колесов**.

Колесов. Добрый вечер.

Таня (*не оборачиваясь*). Добрый вечер.

Колесов. Давно нет автобуса?

Таня. Не знаю. (*Оборачивается.*)

Колесов. Ого... добрый вечер!

Таня. Что значит «ого»?

Колесов. Compliment.

Таня. А-а... (*Поворачивается к афише.*)

Некоторое время оба молча читают афиши.

Колесов (*подходит к Тане*). Девушка, куда вы едете, если не секрет?.. (*У афиши.*) В кино?.. Нет? Ну, значит, на концерт... Тоже нет?.. Куда же вы собрались? Неужели в театр?.. Все ясно. Куда – вы этого еще сами не знаете. А раз так, то идемте со мной.

Таня. Пристаете?

Колесов. Нет. Хочу вас пригласить...

Таня(*перебивает*). Спасибо, но пригласите кого-нибудь другого... И вообще, у меня нет времени с вами разговаривать.

Колесов. Это неправда... Вы сколько раз прочли афиши? Скажите честно.

Т а н я(*не сразу*). Три. Ну и что?

Колесов. Видите, вам скучно.

Таня(*пожала плечами*). Просто я смотрю, куда завтра пойти.

Колесов. А сегодня? Куда вы хотите? На танцы? На концерт? На массовое гуляние?

Таня. Все это завтра. Почитайте. А в парке – через неделю.

Колесов. Чепуха! Мы откроем все это сегодня. Я вас приглашаю.

Таня. Куда вы меня приглашаете?

Колесов. На свадьбу. На первый случай я приглашаю вас на свадьбу.

Таня. На свадьбу? Прямо сейчас?

Колесов. Немедленно. Вас как зовут? У вас нет имени?

Молчание.

Таня. Есть. Да зачем оно вам?... Я скажу, а вы, пожалуй, сразу и забудете.

Колесов. Почему?

Таня. Ну, вы так торопитесь. Конечно, вы все забываете.

Колесов. У меня хорошая память.

Таня. Не хвастайте.

Колесов. Нет, в самом деле, у меня приличная память. Хотите проверить?

Таня. Хорошо. Сейчас проверим... Отвернитесь!

Колесов. Отвернулся.

Таня. Так... А теперь скажите, кто приехал к нам на гастроль?

Колесов. Жанна Голошубова, эстрадная певица.

Таня. Правильно. А кто с ней?... Так, не знаете... А запомнили ее портрет? Как она выглядит?

Колесов. Прекрасно выглядит. Улыбается.

Таня. Она вам нравится?

Колесов. Интересная женщина.

Таня. Вот и пригласите ее на свадьбу.

Колесов. А вы?... Вы отказываетесь?

Таня. Вы это серьезно?

Колесов. Что?

Таня. Да вот приглашаете на свадьбу.

Колесов. С полной ответственностью. (*Смотрит на часы.*) Видите ли, женится мой друг, и на свадьбу я обещал прийти с самой симпатичной девушкой в городе. Я искал вас целый день, неужели вы меня подведете? Как?... Нас ждут.

Таня. Нас?... Ну, знаете, вы... И где же «нас» ждут?

Колесов. Чапаева, восемнадцать, комната сорок два. Ну?... Соглашайтесь! Ручаюсь, скучно не будет.

Таня. Нет... И потом, меня тоже ждут.

Колесов. Жаль... Ну что же... Придется пригласить артистку Голошубову... Счастливо оставаться.

Таня. Счастливо повеселиться.

Колесов(*пошел, вернулся*). Послушайте, давайте познакомимся. На прощание. (*Протягивает ей руку.*) Николай. Фамилия Колесов.

Таня(*подает ему руку*). Таня.

Колесов. И все же, Таня, зря вы от свадьбы отказываетесь. Пожалеете, Таня.

Таня. Ничего, переживу как-нибудь.

Колесов. Ну, смотрите. А то приходите, если надумаете. Комната сорок два – запомнили?

Таня. Как? Вы опять меня приглашаете? А с Голошубовой как же?

Колесов. Приглашаю и вас, и Голошубову. Что тут такого? *(На ходу.)* Места всем хватит – свадьба! *(Исчезает.)*

ОБЩЕЖИТИЕ

В небольшой комнате вынесены кровати, сдвинуты столы. Свадебный ужин. **Букин** и **Маша** (жених и невеста), **Фролов**. Из гостей неумеренной непосредственностью выделяется однокурсник Букина по прозвищу **Гомыра**. Прочих, сидящих за столом, удобно назвать так: **Комсорг**, **Веселый**, **Серьезный**, **Красавица**.

Разгар веселья.

Комсорг. Товарищи! Внимание, товарищи...

Гомыра *(перебивает)*. Прошу слова! *(Поднимается.)* Тихо!.. Хочу сказать пару слов...

Букин *(поощрительно)*. Давай, Боря, скажи. Вырази.

Гомыра. Сейчас, Вася, сейчас... Значит, так... Сегодня здесь в виде жениха и влюбленного человека сидит мой друг и геолог Вася Букин. Что я хочу сказать?.. Вася такой парень, что уж если чего надумал, то он идет прямым путем, честно и откровенно. Без козьей морды. На козью морду он не способен... И, между прочим, зря тут некоторые ухмыляются. С Васей я бывал во всевозможных маршрутах, кто-кто, а я знаю, какой Вася парень. По кустам он никогда не прятался, друзей в беде не бросал. Я это к тому говорю, что раз уж он попал в такую историю, то пусть он знает... *(Обращаясь к Букину.)* Короче, если что, то знай, Вася, у тебя есть друзья, которые не бросят тебя на произвол судьбы. У меня все. Выпьем.

Маша. Постойте. Что-то я его не поняла. *(Гомыре.)* Ты не мог бы выразиться яснее?

Букин. Все ясно, Маша. Он предлагает выпить за дружбу. Верно, Боря?

Гомыра. Вася, ты понял меня правильно.

Серьезный. За дружбу.

Все, кроме Маши и Фролова, выпивают.

Гомыра *(Фролову)*. А ты?.. Почему ты не пьешь? *(Букину.)* Вася, почему он не пьет?

Букин. Не волнуйся, он выпьет.

Комсорг. Товарищи! Прошу внимания...

Серьезный *(перебивает)*. Снова тост? Нет, так нельзя, только выпили – и снова. Дайте закусить.

Маша. В самом деле, мальчишки. Ешьте. А то окосеете.

Веселый. А не спеть ли нам, ребята? По-моему, в самый раз. Такое что-нибудь, оригинальное.

Комсорг *(прорывается)*. Друзья! Послушайте, друзья! Сегодня мы отмечаем радостное для всех нас событие. Подумайте, всего у нас на пятом курсе биофака восемнадцать девушек, и, представьте себе, одиннадцать из них уже замужем. Сегодня мы выдаем замуж Машу – она двенадцатая, по-вашему, это не достижение? Вон у химиков, вы посмотрите, у них дела гораздо хуже. Да что говорить! От имени девушек нашего курса и от всей души я желаю молодым счастья и радости. И еще. Пусть этот Букин уважает Машу так же, как уважают ее у нас на курсе. Машенька, дай я тебя поцелую!

Комсорг и Маша целуются. Шум.

Гомыра (*взял в руку бутылку, разглядывает ее*). Абрау-Дюрсо... Нежности какие...

Комсорг. И самое главное, товарищи! Сюрприз для молодоженов! В качестве свадебного подарка наш комитет и профсоюз выделяют молодым комнату в первом общежитии!

Одобрительные возгласы, звон стаканов, выкрики: «Горько! Горько!» Букин и Маша целуются.

Букин. Спасибо... Мы с Машей пьем за здоровье комитета и профсоюза. А также за рядовых членов, здесь присутствующих. За вас.

Серьезный. Послушайте, а где же Колесов?

Красавица. В самом деле, почему нет Колесова?

Маша (*засмеялась*). Он придет, не волнуйтесь. Наверное, до сих пор носится по улицам.

Серьезный. С какой целью?

Маша. На нашу свадьбу он пообещал прийти с самой лучшей девушкой в городе.

Возгласы: «Пижон!», «Найдет!», «Приведет!», «Посмотрим!».

Веселый. Не оригинально.

Букин. Он зря старается. Я ему сразу сказал. Самая красивая девушка в городе уже здесь. Это моя невеста. *(Обнимает Машу.)*

Гомыра. Абрау-Дюрсо... До чего докатились, а?

Шум. Веселый что-то шепчет Красавице.

Красавица. Замолчите, это скучно.

Веселый. Я говорю, совершенно серьезно... (*Поднимается.*) Минутку внимания!

Серьезный. Опять? Нет, так невозможно. Вы навязываете бешеный темп.

Гомыра. Действительно, дайте человеку пожрать.

Веселый. Минутку внимания! Я к вопросу о самой лучшей девушке. Жених прав, ваш Колесов жестоко просчитался. Самые лучшие девушки собрались сегодня за этим столом. Давайте же мы выпьем за их здоровье, а Колесов тем временем пусть бегаёт по улицам. За вас, женщины!

Шум. Пьют все, кроме Гомыры, который демонстративно отставил от себя стакан.

Гомыра(*Фролову*). Выпил?.. За женщин ты пьешь, а за мужскую дружбу, значит, не пьешь? Что ты этим хочешь сказать? (*Букину.*) Вася, что он этим хочет сказать?

Букин. Ты зря к нему придираешься. Не надо, Боря.

Шум. Фролов, доселе молчавший, поднимается.

Наступает тишина.

Фролов. Я вижу, мне надо сказать несколько слов. Это просто необходимо... Люди здесь собрались в основном сведущие и, надеюсь, понимают, что сегодняшней вечер и для меня весьма знаменателен. Ни для кого здесь не секрет: пять лет я любил эту девушку и все пять лет она меня не любила. Маша, я не стал бы об этом говорить, но, по-моему, тут некоторые нуждаются в справке, так вот... Мне не за что благодарить жениха, но, в конце концов, именно сегодняшний вечер освобождает меня от всех надежд, поверьте, за пять лет эти надежды мне изрядно надоели. Все должны знать: я пришел на свадьбу, чтобы искренне поздравить жениха и невесту и пожелать им самого хорошего. Желаю счастья.

Маша. Спасибо, Гриша...

Серьезный. Хорошо сказал.

Гомыра (*подозрительно*). Красиво...

Букин (*Фролову*). За твое здоровье.

Гомыра (*поднимается*). А я предлагаю за геологов...

Букин. Подожди, старина. Сядь и закуси. Закуси, я тебя прошу.

Гомыра. Что такое геология?.. Знаете?.. Не знаете. Геология – это такая штука... это когда мы уезжаем, а вы остаетесь с нашими женщинами.

Букин. Не говори лишнего, прошу тебя.

Гомыра. Вася, заглянем правде в глаза. Мы с тобой уезжаем? Уезжаем. А они остаются. Что, неправда?.. Они ждут не дождутся, когда мы уедем.

Букин (*поднимается и усаживает Гомыру*). Сядь, старина...

Серьезный. И веди себя приличнее.

Гомыра. Приличнее?.. Ну да, Абрау-Дюрсо, конечно, где уж нам... Ну ничего. Мы скоро уезжаем, а там медведи. Одни только белые медведи...

Веселый. Ребятишки! Давайте-ка что-нибудь споем, а?

Шум. Маша поднимается, отходит в сторону. За нею Букин.

Маша. Твой Гомыра мне надоел.

Букин. Не сердись, он остро переживает момент. Это у него чисто алкогольное. Я уверен, что впоследствии ты его полюбишь.

Маша. С чего ради? Почему я его должна полюбить?

Букин. Но ведь он мне друг, не просто так... И, видишь ли, сейчас ему кажется, что я лезу в петлю.

Маша. В петлю? А ты что на это скажешь?

Букин. Я? Лезу и радуюсь. *(Целует ее.)*

За столом оживление, шум.

Букин. Ну, а вообще как тебе это все... ну весь обряд в целом? Ничего?

Маша. Нормально... Совсем не то, что я себе когда-то представляла.

Букин. А что такое, разве не весело?

Маша. Могло быть и повеселее.

Букин. Ты так считаешь?

Стучится и входит **Строгая.**

Строгая. Добрый вечер. Я не стала бы вам мешать, но, как член студсовета, я должна вас предупредить: в общежитии ректор.

Веселый. Оригинально.

Красавица. По какому случаю?

Строгая. В частности, ни по какому. Просто. Как правило, раз в семестр он нас навещает... Я не знаю, но мне кажется, надо его пригласить.

Букин. А кто против? *(Поднимается.)*

Комсорг. Сидите, жених. Я все сделаю. *(Уходит.)*

Маша *(Строгой).* Садись, Алла. Гостем будешь.

Красавица. Садись сюда.

Строгая. Нет, что вы, девочки...

Голоса. Давай, давай. Присаживайся.

Гомыра дремлет.

Строгая. Я не знаю, я даже не думала... Но, как член студсовета... *(Садится.)*

Букин. Итак, на свадьбе будет ректор. *(Маше.)* Ты рада?

Маша. Еще бы. Вот уж повеселимся.

Красавица. Колесов, видимо, уже не придет. Но это даже к лучшему.

Веселый *(ревнует).* Странно. То вам жалко, что его нет, то опять хорошо, что его нет. Странно и таинственно... *(Всем.)* Ну, так как же, споем мы или нет? Романсик, а, какой-нибудь оригинальный?

Букин. Нет, никаких романсов. Есть пожелание что-нибудь повеселее. *(Поднимается.)* Одну минуточку... Предлагаю кое-что сверх программы. Новое в свадебном репертуаре. Букин прощается с Букиным. Минутку... *(Усаживает на свое место полуспящего Гомыру.)* Не похож, но дело не в этом. Представьте себе, что это Букин. То есть что я сижу на месте и никуда не ушел. *(Идет к противоположному концу стола.)*

Строгая *(с подозрением).* Интересно...

Букин *(со стаканом в руке).* Дамы и товарищи! Друзья! Букина я знаю неплохо. Лично я знаком с ним вот уже двадцать четыре года. Если всю водку, которую мы с ним выпили вместе, поставить сейчас на стол, то, уверяю вас, мы пили бы здесь не один день и не два.

Веселый. Оригинально.

Букин. Я его прекрасно знаю. Он был веселый парень, честное слово, я никак не думал, что в ближайшее время ему взбредет в голову жениться. Этой глупости я от него просто не ожидал.

Строгая. Балаган.

Букин. Завтра же он выйдет на улицу, увидит там много красивых девушек, ему станет грустно, и он поймет, какой он дурак.

Веселый. Тоже оригинально.

Смех.

Строгая. Послушайте, это же не свадьба, это... я даже не знаю...

Гомыра (*внезапно очнулся. Маше*). Женщина... Там одни медведи. Одни только белые медведи...

Маша (*Букину*). Хватит. Убери от меня это чучело. И садись на свое место. Пока не поздно.

Букин. Ты хотела, чтобы было весело.

Маша. Теперь уж слишком весело.

Красавица (*Букину*). Нет, продолжайте, это интересно.

Веселый. Давай дальше, это оригинально.

Букин. Одним словом, с Букиным все кончено. Пропавший он человек. На наших глазах он отправился в самый дальний и, я бы сказал, в самый рискованный маршрут... Подогнал ремни, сориентировался по азимуту – и привет! Курс – на семейную жизнь. Прощай, старина Букин! Счастливого тебе пути, и пусть ляжки не режут тебе плечи. Горько!

Смех.

Гомыра (*поднимается*). Вася! Друг!.. Все хорошо. Отлично. (*Мрачно.*) Но в этом деле замешана женщина.

Маша (*Букину*). Послушай, может, хватит?

Букин (*уводит Гомыру на место*). Все, Боря, номер окончен, садись на свое место.

Маша. Ему надо погулять.

Гомыра (*Маше*). Женщина! Заглянем правде в глаза: все вы одинаковы. Стоит только нам уехать...

Букин (*трясет Гомыру*). Помолчи, Вася, помолчи...

Строгая. Хамство.

Гомыра. Все вы одинаковы. Все!

Маша. Ну вот что... уходи отсюда.

Молчание.

Уходи.

Гомыра. Вася, мне предлагают удалиться...

Букин (*сдержанно*). Помолчи, Боря... Сиди, но помолчи.

Маша. Сидеть он не будет. Он встанет и уйдет.

Фролов (*поднимается*). Он не встанет. Ему надо помочь.

Строгая. Безобразие.

Фролов. Ему надо проветриться.

Гомыра. Ерунда! Мне просто надо выпить.

Фролов и Серьезный приближаются к Гомыре. Букин их останавливает.

Букин. Он останется.

Маша. Он уйдет.

Букин. Я прошу прощения. У тебя. У всех. Но он останется.

Гомыра. Вася, не унижайся. Если ты не против, я могу удалиться.

Букин. Сиди и помалкивай.

Маша. Тогда я уйду.

Букин. Садись, прошу тебя. Невеста ты или не невеста?

Маша. Пусть он уходит или... Пусть уходит.

Букин (*твердо*). Он останется.

Маша. Как хочешь... (*Громко всем.*) Ну вот что, гости дорогие... Слушайте и не обес- судьте. Свадьбу я объявляю недействительной.

Букин. Маша...

Красавица. Мария! Стоит ли?

Маша. Это шутка была, а не свадьба... Я (*показывает на Букина*) и пьяница вот этот – мы пошутили. Вот и все. (*Быстро уходит.*)

Красавица выходит вслед за Машей.

Фролов (*Гомыре и Букину*). Развлекаетесь?.. Шуты гороховые.

Молчание.

Гомыра (*поднимается, идет к Фролову*). Вася, дай слово мне.

Букин (*кричит*). Сядь, я тебе говорю!

Гомыра останавливается.

Фролов (*насмешливо*). Ну?.. Дуэли, вероятно, не будет? (*Постоял и вышел.*)

Букин. Дуэли не будет. Он прав. Прошу выпить и закусить.

Гомыра. Вася! Как же так? Разве это разговор?.. Это же... это Абрау-Дюрсо вместо серьезного разговора. Вася! Я не узнаю тебя.

Букин. Вполне естественно. Ты сегодня много выпил.

Гомыра. Ладно... пью последнюю. За цивилизацию. (*Пьет и выходит.*)

За Гомырой – **Серьезный**.

Строгая. Зачем вы пригласили этого хулигана?

Букин. Он мой друг... И он сегодня не в духе.

Красавица возвращается. **Букин** выходит.

Красавица. Отказаться от свадьбы, вы подумайте. Вот оно – настоящее легкомыслие.

Строгая. Я не знаю, конечно, и это не мое дело, но я должна сказать, что Машу я не понимаю. Фролов серьезный парень, давно ее любит, а Букин – откуда он взялся? Только познакомились – и готово! Да еще этот хулиган Гомыра. Прошлым летом, я слышала, у него увели невесту. Ну и что? Кто же тут виноват. Не все же подряд, правда же?

Веселый. Вот тебе и на. Так ничего и не спели.

Строгая. Нет, Машу я не понимаю.

Красавица. А впрочем, эти геологи ничего... Занятные ребята.

Веселый. А Колесов? Вы о нем уже забыли?

Красавица. Колесов? Да... Жаль все-таки, что он не пришел.

Входит **Комсорг** с магнитофоном в руках.

Комсорг. Товарищи! Ректор в соседней комнате. Сейчас зайдет.

Веселый. Нашел время.

Комсорг. Принесла музыку... А где остальные? Что случилось?

Веселый. Свадьба закончилась.

Красавица. Начался медовый месяц.

Комсорг. Неужели поссорились?

Строгая. Скандал, а не свадьба.

Комсорг. Как же так? Пригласили в гости ректора...

Строгая (*поднимается*). Я как член студсовета... Мне неудобно, я ухожу. (*Уходит.*)

Комсорг. Он идет... Что же мы ему скажем?

Красавица. Не волнуйтесь, как-нибудь отбредем. Ему-то не все равно.

Стук в дверь. Комсорг открывает.

Репников (*входя*). Разрешите?

Комсорг. Проходите, Владимир Алексеевич.

Репников. Добрый вечер.

Все. Добрый вечер.

Комсорг. Садитесь, Владимир Алексеевич.

Репников (*присматривается*). Ну я, кажется, не вовремя... Где же гости?

Красавица. Гости?.. А они на улице... Гуляют.

Репников. Ага... (*Веселому.*) Вы, видимо, жених? (*Садится.*)

Веселый. Я?.. Ну да... до некоторой степени...

Репников. Геолог? Слышал-слышал. Зашел поздравить. Поздравляю вас.

Веселый. Меня?.. Ну что ж, спасибо.

Репников. А невеста? Кто у вас невеста?

Комсорг. Она... она вышла...

Красавица. Маленькая неприятность. Пролила вино на белое платье.

Репников. Ну это пустяки.

Красавица. Разумеется, пустяки!

Входит **Гомыра**.

Гомыра. А если что не так, то дайте мне по морде... (*Заметив Репникова.*) Нет, я ничего... Ничего такого... Одни медведи, одни только белые медведи...

Репников. А что так невесело? Ни песен, ни танцев. Что, разве студенты разучились веселиться?

Красавица. Нет, что вы. Это у нас так... Затишье.

Веселый. А может, что-нибудь споем, действительно?

Комсорг, пробормотав «сейчас», включает магнитофон, негромко звучит музыка – нечто развеселое.

Гомыра (*Репникову*). Задумал геолог жениться – и вот, как видите... Выпьемте, Владимир Алексеевич, за геологию. Вы знаете, геология – это такая тонкая вещь...

Репников. Что ж. Когда-то я тоже подумывал о геологии, но я домосед, и потому...

Гомыра. Вы сидите дома. И правильно, между прочим, делаете... А Вася геолог, да и молодой он еще... Ничего, потом еще будет благодарить своего друга, увидите. А я и с самого начала был против...

Репников. Против чего?

Гомыра. Против всего. В основном против женского персонала... А вы разве не в курсе?

Репников. Выходит, что нет. (*Всем.*) А что, собственно, у вас здесь случилось?..

Молчание.

Красавица. Не сошлись характерами. Обычная история...

Репников. Обычная?.. На свадьбе стало ясно, что не сошлись характерами... любопытно...

Гомыра (*трезвея*). Нет, если что, то Вася не виноват, имейте в виду. Из-за меня случилось...

Репников. Из-за вас?.. Из-за вас все может случиться, не сомневаюсь. *(Всем.)* Ну-с, расскажите-ка мне все подробнее.

Красавица. Да нет, в общем-то все было тихо, благородно...

Комсорг. Владимир Алексеевич, мы их помирим.

Красавица. Помирим, конечно. И вообще ничего дурного тут не было.

Комсорг. И не будет...

Окно вдруг распаивается, в комнату прыгает **Колесов**, Репников сидит спиной к окну так, что Колесов его не узнает, а может быть, и не замечает. Колесов бросается к выключателю. Темнота.

Колесов. Прошу прощения. Закройте дверь на ключ и сидите тихо. Если сюда постучатся – здесь живут девушки, они уже разделись и легли спать. Вам понятно?.. Двери не открывать ни в коем случае. Извините, что опоздал.

Репников. Что такое?.. Что здесь происходит?

Колесов. Ничего особенного. Меня ловит милиция.

Репников. Включите свет.

Колесов. Ни в коем случае! Здесь спят девушки, я, кажется, сказал. И выключите магнитофон.

С перепугу кто-то прибавил магнитофону звук. Все кричат.

Репников. Включите свет!

Колесов. Тише!.. Что это за бас у вас тут появился?

Репников. А я говорю, включите свет!

Колесов. А я говорю тебе – помолчи. Что с тобой? Ты что, темноты боишься?

Репников. Немедленно включите свет!

Колесов. Слушай, замолчишь ты или нет?

Комсорг. Коля, прекрати!

У выключателя слышна возня. Что-то падает. Шум, музыка.

Репников. Свет!..

Колесов. Гомыра, возьми своего друга, или...

Гомыра. Без рук, Коля! Без рук!

Красавица. Кошмар!

Комсоргу удастся включить свет. Колесов и Репников держат друг друга за руки. За окном стоит **милиционер**. Пауза.

Репников. Ах, это вы?

Колесов. Владимир Алексеевич?

Репников (*Комсоргу о магнитофоне*). Выключите.

Комсорг выключает магнитофон. **Милиционер** в окне исчезает.

Колесов. Простите, Владимир Алексеевич, но в темноте...

Репников. Вы меня не узнали. Надеюсь.

Колесов. Честное слово...

Репников. Хорошо, это мы потом обсудим, расскажите-ка нам лучше, кто за вами гонится и почему?

Входит **милиционер**.

Милиционер. Здравствуйте. (*Подходит к Колесову, протягивает руку.*) Документы.

Колесов отдает ему документы.

Милиционер (*берет их, просматривает*). По какому поводу пьянка?

Репников. Здесь, представьте себе, празднуют свадьбу.

Милиционер (*Репникову*). Что у вас произошло с нарушителем?

Репников. Не беспокойтесь, мы здесь люди свои, разберемся сами.

Милиционер. Как хотите. Вы, как видно, преподаватель?

Репников. Да. А у вас что он натворил?

Милиционер. Дебош в гостинице. Ваш студент ворвался в номер артистки Голошубовой...

Колесов. В номер я постучался.

Милиционер. Ворвался и произвел там дебош.

Колесов. Я пригласил Голошубову на свадьбу, и она согласилась...

Милиционер. Причем нанес телесные повреждения музыканту Шафранскому.

Колесов. Этот тип ворвался в номер, стал кричать, оскорбил женщину, и меня он оскорбил. Я привел его в чувство...

Милиционер. Ударом кулака. Кроме того, пытался скрыться. Короче, копию протокола вы получите. (*Колесову.*) Пошли.

Колесов (*со вздохом*). Пойдемте. (*Всем.*) До свидания. (*Репникову.*) До свидания, Владимир Алексеевич.

Колесов и **Милиционер** уходят.

Репников. Хорош... В прошлом году биологи добивались свободного посещения. Если мне не изменяет память, Колесов возглавлял компанию... Боюсь, что он своего добился...

Молчание.

Красавица. Надо же...

Комсорг. Что же теперь будет?

Репников. Судя по всему, его будут судить.

Красавица. А надо же так: перед самыми госэкзаменами! Неужели из-за этого...

Репников (*перебивает*). Он получит по заслугам. Не меньше. Но и не больше.

Появляется **Букин**.

Букин (*со вздохом*). Здравствуйте...

Репников. Здравствуйте...

Небольшая пауза.

Букин (*развел руками*). Виноват, каюсь... Прошу прощения... А что поделаешь? Да и кто тут больше всех пострадал? Я же и пострадал.

Репников. А почему вы, собственно?

Букин. Кто же еще?

Репников. А кто вы здесь такой, извините? Родственник невесты? Жениха?

Букин. Почему родственник?

Репников. Ну кто вы?

Букин. Как кто? Жених... к сожалению...

Репников. Жених?

Небольшая пауза.

Ну-ну, друзья. Спасибо вам за приглашение. Спасибо. Не могу остаться в долгу. Жениха и невесту приглашаю завтра к себе. К десяти часам... (*Остальным.*) И вы приходите.

Стук в дверь.

Красавица. Войдите.

Входит **Таня**.

Таня. Извините, я могу видеть Колесова?

Красавица. Кого?

Таня. Колесова.

Веселый. Э, зайдите, девушка, попозже. Суток этак через пятнадцать.

Репников (*поворачивается*). Татьяна?

ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА

Солнце. Молодые березы, древняя кладбищенская ограда, перед нею асфальт, вдали – новые строения. **Колесов**, **Золотуев** и **Милиционер** входят. В руках у Колесова лом, Золотуев с лопатой. Останавливаются.

Золотуев. Товарищ сержант, это же кладбище.

Милиционер. Ну и что?

Золотуев. Как – что? Мне пятьдесят восемь лет, у меня жаба. Я таких шуток не понимаю. Я возражаю.

Милиционер (*расшатывает ограду*). Возражай, пожалуйста.

Золотуев. Я против таких методов. Это незаконно. Мне полагается десять нормальных суток.

Колесов. Успокойтесь, сержант привел нас на экскурсию.

Милиционер. Слушай, хулиганы. Дело простое: будете разбирать ограду. Ломать ее и выкапывать столбы. А после перетащите все это туда (*показывает*), подальше от дороги.

Золотуев. Господи, для чего же это?

Милиционер. Не ваше дело. Постановление горсовета.

Колесов. А в самом деле, что здесь намечается?

Милиционер. Трамвайная линия. Будете тут на трамвае кататься. Если, конечно, не сядете до той поры.

Золотуев. Старого человека вы заставляете разрушать кладбище! Разве это достойно?

Колесов. В самом деле, какая бестактность.

Милиционер. Приступайте.

Колесов (*Золотуеву*). Живописный уголок, не правда ли? Вам здесь нравится?.. (*Милиционеру.*) Сержант, нам бы здесь местечко – тихо, по знакомству. А, сержант?

Милиционер. Сейчас здесь не хоронят. И давайте за работу. Приступайте. А я схожу тут... возьму папирос. Ваша норма – вон до того столба. И учтите: пока не сделаете – не уйдете.

Золотуев. Товарищ сержант, я все-таки протестую.

Милиционер. Протестуй, пожалуйста. (*Уходит.*)

Колесов. Какие у вас могут быть протесты? Пожили, похулиганили – хватит с вас.

Золотуев. Был бы ты мой сын! Эх, и вздул бы я тебя!

Колесов. А вы возьмите меня на воспитание.

Золотуев. Тебя? Ну что ты? Сторожем я могу тебя взять. Мне нужен сторож. На дачу.

Колесов. Нет. Лучше на воспитание. Вы сирота, я, между прочим, тоже сирота – двумя сиротами на свете будет меньше. У вас, стало быть, дача?.. Это интересно. А пенсия? Будет у вас пенсия?

Золотуев. Мне пенсия не нужна, у меня жаба.

Колесов. Дача и жаба. Нет, вы мне все больше и больше нравитесь... А интересно, за что вы страдаете?

Золотуев. За что?.. В том и дело, что неизвестно за что.

Колесов. Ну а все же?

Золотуев. Говорю, сам не знаю... Орхидею я у них выкопал – подумаешь, разорил!

Колесов. Какую орхидею?

Золотуев. Обыкновенную. На площади выкопал орхидею. Цветок такой... Да разве это хулиганство?

Колесов. Это неслыханная наглость. На площади, под носом у милиции. Вы что, в другом месте не могли?

Золотуев. Не мог.

Колесов. А зачем вам орхидея?

Золотуев. Люблю цветы.

Колесов. А зачем же выкапывать? Сорвать ведь незаметней.

Золотуев. Люблю живые цветы.

Колесов. Кому-нибудь подарить хотели?

Золотуев. Сам хотел любоваться. Единолично.

Колесов. Ну да, у вас дача, а возле дачи, конечно, сад-огород... большой, интересно?

Золотуев. Послушай! Чего ты ко мне пристал?

Колесов. Вы меня заинтриговали. Хулиган – и разводите орхидеи. Игра природы. Почему не укроп, почему орхидеи?

Золотуев. У меня свой участок. На своем участке, молодой человек, я что хочу, то и ворочу! Хватит болтать, пошли работать. Слышал, что сержант сказал? На ночь я здесь оставаться не желаю.

Колесов. Почему? Что вам здесь не нравится, не понимаю?

Работают. Появляются **Маша** и **Таня**.

Маша. Привет, Коля. Ты живой?

Таня. Добрый день.

Колесов. Здравствуйте, здравствуйте.

Маша. Слушай, что нам сказали в милиции. В настоящее время, говорят, он находится на кладбище. Но это, говорят, по секрету, только вам. Ничего шутки, а? (*Золотуеву.*) Я вас приветствую!

Золотуев. Здрассте.

Колесов. Это Золотуев. Тоже хулиган. В общем, шайка-лейка.

Золотуев. Глупости, я человек тихий. (*Идет вдоль ограды, в сторону.*)

Колесов (*Тане*). Идите сюда. Здесь можно сесть.

Маша. А где ваша охрана?

Золотуев. Конвой ушел куда-то.

Таня. Что же вы здесь делаете?

Колесов. Ломаем забор.

Таня. Зачем?

Колесов. Постановление горсовета. Этот свет расширяется, тот сокращается.

Маша. Красота!

Колесов. Садитесь, рассказывайте. Как свадьба? Где муж?

Маша. Где, в том-то и дело!.. Сбежала я от него, Коля, прямо со свадьбы.

Колесов. Как – со свадьбы? Почему?

Маша. Из-за Гомыры все началось. Они друг дружку любят, вот пусть Васька на нем и женится. Представляешь, комнату дали, а Васька в ней Гомыру поселил. Издевается... Тут еще Фролов вчера в общежитии. Хочу, говорит, поучиться у тебя жить. Теперь вместе ходят.

Колесов. Не огорчайся, старушка. Ты у нас невеста по первому разряду.

Маша. Нет, Коля, не нужна я ему, а раз так, то все... Были у ректора. Мне, Букину и Гомыре по выговору. Но это пустяки... Твои дела хуже. Мы ничего не могли сделать.

Колесов. Короче.

Маша. Тебя исключают из университета.

Колесов. Исключают? Сейчас?.. Есть приказ?

Маша. Приказа нет, но ректор говорит, что все решено.

Колесов. Так.

Маша. Артист этот, ты ему выставил руку, а он гитарист.

Колесов. Во везет...

Маша. Он был у ректора, сказал, если тебя не накажут, то подаст на суд. Певичка эта, Голошубова, звонила декану.

Колесов. Так...

Маша. Ну она сказала, что ты вел себя прилично, в гости приглашал... Коля, мы к ректору всем курсом пойдем.

Колесов. Значит, уже и приказ?.. Да он что, озверел, что ли?

Маша. Полегче. Эта девочка, между прочим, дочь Владимира Алексеевича.

Колесов. Вы – дочь?

Таня. Что поделаешь.

Колесов. Час от часу не легче.

Маша. Но Таня, по-моему, на твоей стороне.

Таня. На чьей стороне, я еще не знаю.

Маша. Да ладно, будто я не сочувствую... Коля, может, не все еще потеряно... Ты не расстраивайся...

Колесов. Я не расстраиваюсь... Хотя мне кажется, что меня можно было и не исключать...

Маша. Мы всем курсом, и деканат за тебя заступается...

Колесов (*перебивает*). Ладно.

Маша. Ну хорошо, пока. Побегу, у меня еще уйма дел, да еще вот новое – развод. Завтра пришлю тебе парней.

Колесов. Пусть принесут сигарет.

Маша. Хорошо. (*Уходит.*)

Таня. Я принесу вам сигарет, хотите?

Колесов. Папины сигареты? Спасибо, не надо.

Таня. Вы думаете, он не захочет поделиться с вами сигаретами?

Колесов. Не захочет.

Таня. Да нет, он не жадный. Послушайте, он так занят. Он всегда старается быть справедливым.

Колесов. Ну конечно! У него нет времени на то, чтобы быть справедливым. Очень его понимаю...

Таня. Ведь он не из мести, вы понимаете, что не из мести.

Колесов. Конечно. Месть – чувство, недостойное руководителя.

Таня. И все-таки отец добрый. Мне кажется, я говорила бы так, если бы и не была его дочерью.

Колесов. Таня, в своем папе вы не ошиблись. У вас хороший папа. Добрый, серьезный, авторитетный.

Таня. Если отец не прав, я защищать его не буду. Но мне хотелось бы выяснить... (*Молчит.*)

Колесов. Что выяснить?

Таня. Я с отцом поссорилась. Из-за вас.

Колесов. Напрасно. Ваш отец и я – люди взрослые. Между нами все может быть. Мы с ним, возможно, еще встретимся, побеседуем. А на вашем месте я бы плюнул на это дело и пошел бы в кино.

Таня. Легко так говорить, когда все ясно, а мне разобраться надо...

Колесов. Зачем, смешная вы девушка. Вот лежат за этой оградой. Они тоже хотели во всем разобраться. Уверяю вас, они так ничего и не поняли.

Таня. Так уж ничего?

Колесов. У каждого, наверное, было столько приключений... Да они просто не успели ничего понять.

Таня. Вы по себе мерите. Не все же торопятся, как вы. Другие думают, размышляют...

Колесов. Нет, Таня. Или жить, или размышлять о жизни – одно из двух. Тут сразу надо выбрать. На то и на другое времени не хватит. Так, по-моему... Их жизнь (*показал рукой на ограду*) прошла, и разобраться в ней легче нам, живым. А уж нас рассудят другие. Со стороны как-никак всегда виднее.

Появляется **Золотуев.**

Золотуев. Мне пятьдесят восемь лет. Я устал.

Колесов. Послушайте... Вот вы говорили, что вам нужен сторож.

Золотуев. А что?

Колесов. Я ищу работу.

Золотуев. Тебя не возьму, даже не думай.

Колесов. Почему? Вы же мне предлагали.

Золотуев. Я раздумал. Ты грубиян, а я этого не люблю.

Колесов. Грубиян? А вы какого сторожа хотели? С хорошими манерами? Из консерватории?

Золотуев. Зачем? Мне нужен человек скромный, работающий... Поливать грядки – образование тут ни к чему. Мне нужен сторож, который умеет держать в руках лейку и ножницы.

Колесов. Наши интересы совпадают. Я увлекаюсь садоводством. Соображаете, как вам повезло?

Золотуев. Не знаю, молодой человек, не знаю... Сержант идет!

Таня. Что ж... Я пойду.

Колесов. Извините, Таня. Но сами видите – не та обстановка. Возможно, еще увидимся. Поговорим.

Таня. Ничего вы мне не объяснили... Только еще больше запутали. До свидания.

Колесов. Счастливо, Таня... Не огорчайте папу.

Таня уходит. Появляется милиционер.

Милиционер. Так... Сачкуете? Я вам доверие, а вы мне...

Колесов. И мы вам доверие.

Милиционер. Я – доверие, а вы – саботаж?.. Вы – умные, а я – дурак?

Колесов. Виноваты, товарищ сержант, исправимся. Разрешите папироску.

КВАРТИРА

Большая комната в доме Репниковых. Первый этаж. Два больших окна, красивые портьеры. Судя по обстановке, комната эта предназначена для приема гостей, а также для праздничных ужинов и обедов. Дело к вечеру.

Таня и ее **мать** накрывают белой нарядной скатертью стол, стоящий посередине. На Репниковой фартук, Таня одета по-домашнему.

Таня (*сервирует стол*). Вечно эти церемонии. Можно и на кухне пообедать – отлично.

Репникова. Воскресенье есть воскресенье. Не ворчи.

Репников появляется с букетом цветов и бутылкой вина.

Он в отличном расположении духа.

Репников. Ну как? (*Останавливается.*) М-м... Запах божественный! Как он? Уже готов, не правда ли?

Репников а. Еще нет.

Репников (*бутылку поставил на стол, цветы передал Репниковой*). Как? Но ведь прошло уже полтора часа!

Репников а. Еще минут пятнадцать.

Репников (*с ужасом*). Еще пятнадцать? А не пережарится? (*Направляется к двери, которая ведет, по-видимому, на кухню.*) А соус?..

Репников а (*не дает Репникову пройти*). Нет-нет, тебе там делать нечего.

Репников (*упирается*). Я взгляну, только взгляну...

Репников а. Иди в кабинет, жди в кабинете.

Репников. Тс-с... Шипит... как живой, шипит... Он готов!

Репников а. Иди-иди! (*Подталкивает его к другой двери.*)

Репников. Если через пятнадцать минут вы не подадите его на стол, предупреждаю вас: я умру. (*Уходит в кабинет.*)

Репников а (*взглянула на часы*). Да, с обедом мы сегодня подзатянули.

Таня. Ничего с ним не сделается.

Репников (*появляясь в дверях*). А лук? Я не слышу запаха лука!

Репников а (*смеясь, закрывает дверь*). Ну прекрати, прекрати.

Таня. Вечно одно и то же.

Репников а. Опять ворчишь? Не понимаю, чем ты недовольна.

Таня. Вечно объедемся как не знаю кто, а потом весь вечер перевариваем...

Репников а. Не ешь, никто тебя не заставляет.

Таня. Не поешь у тебя – как раз! Один запах чего стоит. Да и папаша – всегда он раздражит...

Репников а (*поставила на стол вазу с цветами*). Хороши... А вот, смотри, бутоны. Эти увянут, а бутоны только-только распустятся... Но и они увянут.

Таня. А, скорей бы все это заканчивалось! Все весной хорошо, кроме экзаменов.

Репникова. Вот. Всем скорей. Скорей бы весна, скорей бы экзамены, скорей бы лето. Скорей бы, скорей. А куда?.. К гипертонии? К склерозу?

Таня (*обняла мать*). Ты-то чем недовольна? Молодая, красивая... Жить надо, а не философствовать. Размышляй не размышляй – все равно ничего не поймешь. Только время упустишь.

Репников а. Что это? Откуда у тебя такие мысли?

Таня (*улыбнулась*). Из учебника. Из политэкономии.

Репников а. Ну-ну, не морочь мне голову. Знаю я, из какого учебника... Видно, прав отец: парень этот – фокусник, да еще какой.

Таня. Мама, не суди человека, если ты его не знаешь.

Репников а. А что твой человек натворил в гостинице? А в общежитии?

Таня. Ничего страшного он не сделал.

Репников а. Такой успеет еще, сделает. Если не образумится. (*Идет на кухню. В дверях.*)
Зови отца. (*Уходит.*)

Раздается звонок. Таня открывает дверь. Появляется **Колесов**.

Колесов. Здравствуйте, Таня.

Таня (*она растерянна*). Здравствуйте.

Колесов. Не ожидали?

Таня (*не сразу*). Вообще-то да, не думала...

Колесов. Правду сказать, и я на это не рассчитывал. Да вот. Чего только в жизни не бывает.

Таня. Опять что-нибудь случилось?

Колесов. Как же. Скандал на Панаме, на Занзибаре революция, пущены агрегаты Братской ГЭС – не слышали?.. А мы метем мостовую. Тут, на соседней улице.

Таня. Вас еще не отпустили?

Колесов. На полчаса. Под честное слово.

Таня. Проходите, присаживайтесь...

Колесов. Я, собственно... Я к Владимиру Алексеевичу.

Таня. Я так и подумала.

Колесов. Он дома?

Таня. Да.

Появляется **Репников а** с большим блюдом в руках. На блюде большой румяный, украшенный зеленью гусь.

Колесов. Добрый вечер.

Репников а. Здравствуйте.

Таня. Мама, это...

Колесов. Колесов.

Репников а. Да?.. Что ж, интересно познакомиться. (*Поставила блюдо на стол.*)

Колесов. Я, кажется, не вовремя, но...

Репников а. Почему же?.. Приглашаем с нами пообедать.

Колесов. Большое спасибо. Я уже пообедал.

Репников а. Вы присаживайтесь... Таня, усаживай гостя.

Колесов. Спасибо. (*Садится на краешек стула.*)

Молчание. Таня тоже усаживается на стул недалеко от Колесова.

Входит **Репников**. Не замечая вначале Колесова, он приближается к столу, потирая руки.

(*Поднимается*). Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

Репников (*не сразу*). Здравствуйте, молодой человек, здравствуйте.

Колесов. Прошу меня извинить, но обстоятельства заставили меня прийти к вам домой.

Репников (*не сразу*). Ко мне?.. Так... Любопытно...

Колесов. Я решил вас побеспокоить, потому что в университет я прийти не могу... ни завтра, ни послезавтра... Мне необходимо с вами поговорить.

Репников. Со мной?.. (*Тане и Репниковой.*) Ну коли так, оставьте нас наедине. У молодого человека ко мне разговор.

Репников а уходит на кухню. Таня задерживается.

(*Строго.*) Таня, прошу тебя.

Таня уходит.

Я вас слушаю.

За окном раздается легкий стук, на который Репников вначале не обращает внимания.

Колесов. С просьбой.

Тот же стук в окно.

Я прошу прощения за высокопарный тон, но я хочу сказать вам, что я давно и твердо решил посвятить себя науке и не хотел бы терять времени даром...

Портьера внезапно отодвигается, и в открытом окне появляется физиономия **Золотуева**.

Золотуев (*Репникову*). Я душевно извиняюсь, но вашему гостю пора уходить. (*Колесову.*) Тебе пора.

Колесов (*подходит к окну, закрывает его своей спиной, шепотом Золотуеву*). Исчезните!

Золотуев исчезает.

Репников. Что за явление? Кто это?

Колесов. Да так, один дядя. Не обращайтесь внимания.

Репников. Но что ему надо?

Колесов. Беспокойтесь, как бы я вам не надоел. Он ужасно за меня переживает.

Репников. Так это ваш дядя?

Колесов. Да, это мой дядя.

Репников (*с неудовольствием*). Пусть он войдет в таком случае.

Колесов. Да нет, пожалуй, не стоит. Он, знаете, человек необщительный, нелюдим, можно сказать, и вообще... Владимир Алексеевич! Дело в том, что вот уже два года я занимаюсь одним делом... Травами, возможно, вы об этом слышали.

Репников. Слышал. И что же?

Колесов. Получается, Владимир Алексеевич, в том-то и дело. Вы ученый и знаете, что значит для начинающего потерять год-два...

Репников. Так... Вы сказали – я ученый. Неплохо. Посещать мои лекции – я не ученый, а как просить – так сразу ученый.

Колесов. Владимир Алексеевич, дело в том... Мне кажется, то, что я делаю, имеет значение не только для меня...

В окне из-за спины Колесова снова появляется физиономия Золотуева.

Золотуев. Слушай! Мы злоупотребляем доверием! Сержант нам это не простит.

Колесов (*страшным шепотом, Золотуеву*). Сгиньте, я вам говорю!

Золотуев. Учти, мы останемся без каши.

Репников (*Колесову*). Послушайте! Что, наконец, все это значит?

Колесов (*рукой отталкивает Золотуева от окна*). А, пустяки. Он большой любитель поесть и поговорить об еде. Иногда, знаете, ни с того ни с сего...

Репников (*с раздражением*). Ваша правда, дядя ваш человек со странностями. (*Закрывает окно.*)

Колесов. Владимир Алексеевич! В среду в университете начинаются зачеты...

Репников (*перебивает*). Итак, Колесов, вы решили, что достаточно явиться ко мне домой – и все готово, и я отменяю приказ и допускаю вас к экзаменам.

Колесов. Кажется, я совершил ошибку, что пришел к вам домой. Я пришел к вам с личной просьбой, еще раз извините, что побеспокоил.

Репников. Лихо, Колесов, работаете. На ходу подметки режете.

Колесов. То есть?

Репников. Восстановили против меня дочь и решили, что самое время прийти ко мне с личной просьбой.

Колесов. Вашу дочь я не восстанавливал. Мы с ней знакомы, и только.

Репников. Очень сожалею, что вы с ней знакомы.

Колесов. Моя просьба ничего общего не имеет с этим обстоятельством.

Репников. Рассказывайте!

Колесов. Уверю вас, я здесь не в качестве жениха.

Репников (*не сразу*). Ей вы об этом говорили?

Колесов. Нет. Но она и не спрашивала.

Золотуев неожиданно появляется в другом окне.

Золотуев. Ты как хочешь, а я ухожу.

Колесов (*Золотуеву, тем же шепотом*). Вон отсюда... Сумасшедший! (*Закрывает окно.*) Простите, Владимир Алексеевич... Видите ли... Я должен признаться, дядя мой – хулиган...

Репников (*в большом раздражении*). Все! (*Задерживает портьеру.*)

Колесов. Владимир Алексеевич! Я пришел сюда с надеждой, что вы меня поймете...

Репников. Все, Колесов. Разговор окончен! Вы не пришли сюда – нет, вы ворвались, по своему обыкновению! И не с просьбой, а с требованием! Да знаете вы, как называются подобные визиты?

Колесов (*тоже вспыхнул*). Не знаю. Я пришел к вам с просьбой, но унижаться перед вами я не намерен. И если вы меня не понимаете, то это вовсе не значит, что вы можете на меня кричать.

Репников. Так! Надеюсь, вы не будете меня душить? Здесь! В моем доме!

Входит **Репникова**.

Репникова. Нельзя ли поспокойнее?

Репников. Вот! Полюбуйся, пожалуйста! Очень любезный молодой человек! Бывший студент, ныне...

Колесов (*поклонился Репниковой*). Хулиган.

Репников. Вот – полюбуйся!

Репникова. Что ж... Пусть хулиган – зачем же так волноваться? (*Берет Репникова под руку.*)

Репников. Считайте, что разговор окончен! И прошу вас, молодой человек, мой дом, меня и мою дочь оставить в покое!

Жена силой уводит **Репникова** на кухню.

Колесов (*пошел к выходу, остановился у зеркала*). Жених... Неужели я похож на жениха?

Появляется **Таня**.

Скажите, Таня, похож я на жениха?

Таня. Нисколько! Кто же действительно так просит? Кто так разговаривает? Вы на петуха похожи! На драчливого петуха.

Колесов. Серьезно? А ваш отец принял меня за жениха.

Таня. Что ж... Это глупо с его стороны. Извините.

Колесов. Глупо?.. А почему? По-моему, наоборот, за всю свою жизнь он впервые выдвинул интересную гипотезу. *(В дверях.)* До свидания, Таня. Передайте вашему папе, что вы мне нравитесь. Это произведет на него впечатление. *(Уходит.)*

Появляются **Репникова** и **Репников**.

Репников. Ушел?

Таня. А что ему тут делать, в этом застенке?

Репников. Что? Что ты сказала? *(Репниковой.)* Ты слышала?

Репников а. Татьяна, что ты себе позволяешь?

Репников. Да понимаешь ли ты, что этот прохвост пришел сюда в расчете, что ты ему поможешь?

Таня. Ах вот как? Значит, ты отказал ему из-за меня?.. Говори! Из-за меня или нет?

Репников. Я отказал ему, потому что он нахал. И довольно! Я не желаю больше о нем слышать!

Таня. А я не желаю тебя видеть! *(Надевает плащ.)*

Репников. Можно узнать, куда ты собираешься?

Таня. Проветриться!

Репникова. Татьяна!

Таня. Что – Татьяна? Я не хочу, чтобы папа из-за меня делал подлости! Слышите! *(Уходит.)*

Репников. Какова?.. Его влияние! *(Вдруг кричит.)* Кто впустил в мой дом этого проходимца?!

Репников а *(пожала плечами)*. Я впустила. Открыла дверь, вижу – приятный человек... За что все-таки ты его так не любишь?

Репников. А за что мне его любить? За что?.. *(Ходит вокруг стола.)* Мне никогда не нравились эти типы, эти юные победители с самомнением до небес! Тоже мне – гений!.. Он явился с убеждением, что мир создан исключительно для него, в то время как мир создан для всех в равной степени. У него есть способности, да, но что толку! Ведь никто не знает, что он выкинет через минуту, а что в этом хорошего?.. Сейчас он на виду, герой, жертва несправедливости! Татьяна клонула на эту удочку! Да-да! Он обижен, он горд, он одинок – романтично! Да что Татьяна! По университету ходят целыми толпами – просят за него! Но кто ходит? Кто просит? Шалопаи, которые не посещают лекции, выпивохи, которые устраивают фиктивные свадьбы, преподаватели, которые заигрывают с этой братией. Понимаешь? Он не один – вот в чем беда. Ему сочувствуют – вот почему я его выгнал! А не выгони я его, представь, что эти умники забрали бы себе в головы! Хорош бы я был, если бы я его не выгнал!.. Одним словом, он вздорный, нахальный, безответственный человек, и Татьяна не должна с ним встречаться! Это надо прекратить раз и навсегда, пока не поздно!

Репникова *(не сразу)*. А по мне так пусть. Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого – пусть.

Репников. Нашей дочери ты желаешь... Вот как?

Репникова. Так. И еще неизвестно, как лучше – так или по-другому.

Репников. Я тебя не понимаю.

Репникова. Что тут непонятного. У них так, у нас по-другому.

Репников. У нас? (*Осторожно.*) Что у нас?..

Репникова. У нас все прекрасно.

Репников. Тогда в чем дело? Изволь объяснить. Что, интересно, тебе не нравится?

Репникова. Ладно, мне все нравится... Садись наконец за стол, пока все окончательно не остыло.

Репников. Нет! Не сяду до тех пор, пока не узнаю, на что ты намекаешь. (*Усаживается.*)

Репникова. Успокойся. Ты лучший муж в городе... А я... я хорошая жена... Ешь... Говорю тебе, у нас все прекрасно. Живем душа в душу. Все нам завидуют.

Репников. Так... (*Поднимается из-за стола.*) Признаться, в последнее время я ожидал от тебя какой-нибудь глупости.

Репникова. «Последнее время»... Всю жизнь ты ожидал от меня глупости. Всегда. Глупости, и больше ничего... Что – неправда? Всегда так было. Ты умилялся моей глупостью, воспитывал ее и вечно требовал от меня одной только глупости.

Репников. Если это так, то, вижу, я достиг успеха. Только непонятно, для чего она мне, твоя глупость, зачем она мне понадобилась?

Репникова. Для удобства. И чтоб хоть чем-нибудь питать свое тщеславие. Гением ты можешь выглядеть только рядом с такой дурой, как я... Что я такое, ты не скажешь? Пока она училась в школе, я была членом родительского комитета. Теперь она выросла, кто я теперь?

Репников (*не сразу*). Ты жена ученого, и ты действительно хорошая жена. Разве этого мало?

Репникова. Да ведь ты не ученый, в том-то и дело. Ты администратор и немного ученый. Для авторитета.

Репников (*сильно уязвлен*). Обо мне не напишешь мемуаров – это тебя раздражает?

Репникова. Нет. Но я оправдала бы себя, если бы ты был ученый... Ладно, хватит об этом. И не беспокойся, тебе ничто не угрожает: я поняла все слишком поздно... Подумай лучше о дочери. Неужели ты не видишь, что она выросла и ей ничего уже нельзя запретить? И послушай! Что тебе надо от этого парня? Что ты в него так вцепился? Неужели нельзя отнестись к нему помягче?

Молчание.

Репников. Ладно. Я подумаю... Скажи только, что у нас все хорошо. Все так и будет. Скажи!

Репникова. Садись – ешь.

Репников. Хорошо... Но вначале я бы хотел услышать...

Репникова. Хорошо. Все хорошо. (*Целует его в щеку.*) Нормально.

Репников. Я не хочу ссор. Я хочу мира и согласия. Неужели я этого не заслужил? (*Глянул в окно. Неожиданно.*) Каков наглец! Полюбуйся. Он любезничает с ней под носом. Не нахал ли? Ну скажи мне, скажи. Ну разве можно рядом с нашей дочерью терпеть такого человека. Никогда.

Занавес

Действие второе

САД

Весенний сад. Деревянный навес; под ним садовые инструменты, висит ружье. Тут же несколько корзин, одна из которых полна цветов – из ромашек. Новенькая дача видна наполовину. **Колесов** проходит с лейкой в руках. Он босиком, растрепан. Появляется **Таня**.

Таня. Руки вверх, ни с места! Вы окружены... Вот так сторож! Я спокойно пробралась в сад, а вы и ухом не ведете. Добрый день.

Колесов. Долго ты меня искала?

Таня (*подходит*). Нет. Вы все очень толково объяснили. (*Осматривается.*) Сколько здесь цветов – надо же... Хозяин дачи – важный человек?

Колесов. Да, он важная птица.

Таня. Пионы, гладиолусы... (*Подходит к клумбам.*) А это что?

Колесов. Дельфиниумы. А это галантус. Красный подснежник. Француз по происхождению.

Таня. А здесь?

Колесов. А здесь будет трава.

Таня. Трава?

Колесов. Альпийская. Как раз я ее и приручаю.

Таня. А что она – капризничает?

Колесов. Да, здешнее солнце ее не устраивает. Но ничего – приручим... Взгляни на тот вон косогор... Вид, скажем прямо, довольно бледный. А теперь представь на этом месте такую вот (*показывает*) траву, альпийский луг. Как?.. Я бы разрешил тебе побегать по нему босиком.

Таня. Я бы с удовольствием.

Колесов. Что ж, это я тебе устрою. (*Уносит лейку под навес.*)

Таня. А это то самое ружье, с которым вы ходите вокруг дома?

Колесов. Точно.

Таня. Представляю... А знаете, на кого вы сейчас похожи?

Колесов. На кого?

Таня. На проходимца. Так вас называет отец. А мне нравится. Про-хо-ди-мец... Забавное слово, правда?

Колесов. Ничего себе. Выразительное... Как папа, что он поддельвает?

Таня. Не знаю, сегодня я его не видела.

Колесов. Разве он куда-нибудь уехал?

Таня (*беспечно*). Нет. Со вчерашнего дня я не была дома.

Колесов. Вот как?.. Где же ты ночевала?

Таня. Гуляла по городу.

Колесов. Всю ночь?

Таня. Да.

Колесов (*подходит к ней*). Почему?

Таня. Потому... Домой идти не хотелось. И никуда не хотелось. Вот я и гуляла.

Колесов. Одна?

Таня. Ко мне приставали.

Колесов. Почему ты не ночевала дома?.. Почему ты всю ночь гуляла по городу? (*Обнимает ее.*)

Таня (*уклоняясь от объятий, не очень, впрочем, энергично*). Потому... (*Нестрого.*) Отпустите...

Колесов. Ни в коем случае...

Таня. Отпустите...

Колесов. Никогда в жизни... Смотри на меня. Отвечай... В тот вечер почему ты пришла в общежитие?

Таня. Потому...

Колесов. А на кладбище?... А сегодня?..

Таня. Потому... Потому... Потому...

Поцелуй. Потом Колесов усаживает ее на скамейку.

Колесов. Итак, дома ты не ночевала... В первый раз?

Таня. Да, в первый раз.

Колесов. Ну что ж. В конце концов, не все же тебе ночевать дома.

Небольшая пауза.

Таня. Как здесь тихо... Вы здесь один?

Колесов. По-моему, самое время называть меня на «ты». Как?

Таня. Хорошо. Ты здесь один?

Колесов. Нет. Днем здесь бывает хозяин.

Таня. А вечером?

Колесов. А вечером я один... Приходи, если хочешь... Придешь?

Таня. Да.

Колесов. Когда ты придешь?

Таня. В девять, в десять... Когда будешь ждать.

Колесов. В девять. Но лучше – в восемь. (*Снова пытается ее обнять.*) А сейчас? Ты куда-то торопишься?

Таня. Домой. Утешить родителей. Представляешь, что там делается? Я думаю, они разыскивают меня через милицию.

Колесов. Что ж у вас случилось?

Таня. Отец на меня накричал, ну и вот... Раньше мы редко ссорились, а теперь каждый день скандалим... Это после вашего... (*поправилась*) твоего посещения... Знаешь, оказалось, что мы друг друга не только не понимаем, но даже и не знаем как следует... Мне мать жалко...

Да и отца жалко. В конце концов, не мать, а он всегда виноват, понимаешь?

Близко кто-то насвистывает.

(*Вскочив на скамейку, смотрит.*) Гости. По-моему, твои друзья.

Колесов (*привстал*). Вон как!.. Фролов и отставной муж Вася Букин. Теперь они уже вместе ходят. Друзья-соперники. Не понимаю, зачем им это надо?

Входят **Фролов** и **Букин**.

Букин (*напевает*). «Это ландыши все виноваты...»

Фролов. Привет наемникам капитала!

Колесов. Закрой калитку.

Букин (*напевает*). «Этих ландышей целый букет...» Красиво живешь!

Колесов. Приходится... Познакомьтесь – Таня.

Букин (*кланяется*). Василий.

Таня. Таня.

Фролов. Фролов.

Колесов. Дайте закурить. (*Закуривает.*)

Букин (*напевает*).

Это ландыши все виноваты,
Этих ландышей целый букет...
Хорошо погулять неженатым
На расцвете студенческих лет...

Фролов (*Колесову*). Дела таковы. Ходили всем курсом в деканат, в профсоюз, в газету, шумели, говорили о твоих талантах. Собрались к ректору, но перед распределением ряды дрогнули.

Колесов. Знаю.

Букин. Когда мы с ректором беседовали о моей женитьбе, знаешь, что он сказал? Он сказал: вы настолько развинулись, что просто грех кого-нибудь из вас не выгнать. Вы и ваш друг, то есть я и Гомыра, вы, говорит, отъявленные, а Колесов, так тот совсем конченный. Не поверишь, Гомыру и то напугал. Сидит, бедный, занимается. (*Тане.*) Вот такая жизнь. А у вас?

Таня. У меня?.. У меня все прекрасно.

Букин. Счастливый человек. Вам сколько лет? Четырнадцать?

Таня. Шутите, шутите.

Букин. Нет, серьезно?

Таня. Если серьезно – девятнадцать.

Букин. Не может быть.

Фролов. Коля, не теряй надежды. Сегодня распределились. Завтра горстка храбрецов вместе с деканом двинет к ректору.

Колесов. Бесплезно... Зачеты вы уже сдали. Скоро экзамены.

Букин. «Мне семнадцать, тебе девятнадцать...» (*Взял ружье.*) Вот это фузея! Стреляет?

Колесов. Не знаю.

Букин (*напевает*). «Не года, а жемчужная нить...» (*С ружьем в руках ходит по двору.*)

Т а ня (*идет следом за Букиным*). Осторожнее. Это подснежники.

Букин. Ну? Надо понюхать.

Фролов (*Колесову*). Получил назначение.

Колесов. Куда?

Фролов. В район. На селекционную станцию. Хочешь, возьму водовозом?

Колесов. Надо подумать... Подожди, на селекционную?.. У Маши, кажется, там родители?

Фролов. Совпадение.

Букин. Ну да, совпадение! Скрадывает мою жену. Очевидно.

Фролов. У Маши свободный диплом. Неизвестно, что ей взбредет в голову.

Букин (*Колесову*). Понял? Это не Гриша, это черный ворон, который кружит, понимаешь, кру-жит... Коля, присматривай за мной. Как бы я его не подстрелил нечаянно.

Колесов. Слушай, ревнивец, вы еще не развелись?

Букин. Не разговариваем. Чтобы развестись, надо прилично друг к другу относиться.

Фролов. Он еще на что-то надеется.

Т а ня (*подходит к Колесову*). Ну, я побежала?

Колесов. Я тебя провожу.

Т а ня (*Фролову и Букину*). До свидания.

Колесов и **Таня** уходят. Букин с ружьем стоит посреди двора.

Фролов (*развалился на скамейке*). Не понимаю, на что ты еще надеешься? Неужели ты думаешь, что она полетит с тобой на север? Она прекрасно знает, что по дороге вы забудете ее где-нибудь в кабаке. Ты и твой лучший друг Гомыра.

Букин. Я понимаю, Гриша. Ты во что бы то ни стало хочешь разбить молодую семью.

Фролов. Твоя песенка спета. Через месяц я посажу тебя на самолет, и мы помашем друг другу на прощание. В это время Маша будет ждать меня на вокзале. Тебя это устраивает?

Букин. Не надо, Гриша. Я впечатлительный. Возьму и выстрелю.

Фролов. Ружье тебе идет, бандит.

Букин. «Это ландыши все виноваты...»

Фролов. Мародер.

Букин. «Этих ландышей целый букет...»

Фролов. Жизнерадостный погромщик.

Букин. Гриша, ты хорошо воспитан и знаешь, как себя надо вести. Во всех случаях жизни...

Фролов. Тебе это не нравится?

Букин. Почему же. Мне нравится. Я даже тебе благодарен. Ты всегда умел меня вовремя остановить. Поставить. Удержать... Я тебе просто завидую. Ты организованный человек, цельная натура. У тебя удивительный такт и большое чувство меры...

Фролов. Вот так всегда узнаешь со стороны, что ты неплохой человек.

Букин. С тобой никогда не наделаешь глупостей. В любом случае ты знаешь, как надо себя вести. Гриша, скажи, что делать, если тебе хочется выстрелить в человека?

Молчат. Игра принимает серьезный оборот. Фролов поднимается, подходит к Букину.

Вот что интересно. Ведь до этой самой минуты ты себе ничего такого даже и представить не мог.

Фролов. Дай сюда.

Букин (*отступил*). Не подходи, Гриша. Я знаю, это самая глупая из моих шуток. Но ты не подходи. Скажи лучше, что делать.

Фролов. Отдай ружье, клоун.

Букин. Я клоун. Рядом с таким серьезным человеком, как ты, я – шут. Но шуты – люди темные... Тебе никогда не приходило это в голову?

Фролов (*садится*). Поиграй, поиграй. Чем бы дитя ни тешилось...

Букин. Ты не поверишь, Гриша, а на меня иногда такая находит серьезность... Я дикий человек, и мысли у меня дикие. И вот я думаю, что бы со мной было, если бы не ты? Ведь только ты, благоразумный человек, знаешь, как надо жить. А я, человек неблагоразумный, живу не так, как хочу. Я живу так, как ты этого хочешь. И вот иногда, Гриша, мне тяжело на тебя смотреть...

Фролов. Что ты плетешь?

Букин. И хочется сделать по-своему.

Фролов. Поставь ружье.

Букин. И сегодня мы сделаем по-моему. Сегодня мы поступим благоразумно.

Фролов. Поставь ружье, если хочешь со мной разговаривать.

Букин. Мы будем стреляться. Как бы глупо тебе это ни показалось.

Фролов. Ах, дуэль. Во-от что... Иди-ка поспи. Дуэлянт!

Букин. Мужайся, Гриша. Сейчас мы пойдем за огород и бросим жребий.

Фролов (*весело*). Это что же, на двоих один мушкет?

Букин. Ничего, по очереди. Там ты забудешь, что это глупо.

Фролов. Ну а... секунданты? Кстати, сейчас они называются свидетелями.

Букин. Ты не отвертисься, даю тебе слово. Я даже струсить тебе не дам. (*Поднимает ружье.*)

Фролов. Да ты что?.. Что ты, взбесился?

Букин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.